

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные проблемы квалификации преступлений против собственности»

Обучающийся

О.А. Никитина

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, М.Ю. Жирова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2022

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика преступлений против собственности.....	7
1.1 Понятие и виды преступлений против собственности по УК РФ ...	7
1.2 Понятие и признаки хищения, разграничение понятий «хищение», «неправомерное завладение без цели хищения» и «причинение имущественного ущерба»	15
1.3 Понятие и признаки уничтожения и повреждения имущества, разграничение понятий «имущественный ущерб», «моральный вред»	26
Глава 2 Проблемы квалификации преступлений против собственности	36
2.1 Проблемы квалификации кражи.....	36
2.2 Проблемы квалификации мошенничества	41
2.3 Проблемы квалификации присвоения или растраты.....	47
2.4 Проблемы квалификации грабежа.....	52
2.5 Проблемы квалификации разбоя	57
2.6 Проблемы квалификации вымогательства.....	59
2.7 Проблемы квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием	64
2.8 Проблемы квалификации уничтожения или повреждения имущества	71
Глава 3 Предложения по решению проблем квалификации преступлений против собственности	80
3.1 Предложения по решению проблем квалификации кражи	80
3.2 Предложения по решению проблем квалификации некоторых видов мошенничества	89
3.3 Предложения по решению проблем квалификации преступлений против собственности, совершенных в отношении «обманутых дольщиков».....	92

Заключение	108
Список используемой литературы и используемых источников	110

Введение

Актуальность темы исследования объясняется множеством факторов. По данным Министерства внутренних дел РФ, сумма материального ущерба, причиненного потерпевшим от экономических преступлений в России, составила в 2021 г. 641,9 млрд руб. Почти 33% от всего количества экономических преступлений совершено против государственной и частной собственности.

Кража продолжает быть самым распространённым преступлением, посягающим на собственность (733,1 тыс. за 2021 год). Но важно отметить, что в связи со стремительным развитием уровня технологий, расширяющих возможности оперативно раскрыть такие преступления и изобличить преступников «по горячим следам» (например, внедрение системы «Безопасный город» во всех областных центрах Российской Федерации), количество таких преступлений постепенно начинает снижаться.

Так, в 2021 году их количество уменьшилось до 2,4%, в 2020 году – до 3%. Чаще имеют место противоправные действия в сфере коммуникационных технологий. Они составляют около 73 % от всего количества хищений (249,2 тыс.), совершенных в результате неправомерного воздействия на психику потерпевшего, когда потерпевший добровольно передаёт имущество во владение преступника [6, с. 12]. Таким образом, среди общего количества преступлений, совершенных в России, преступные посягательства на собственность составляют большинство.

Защита права собственности является необходимым составляющим элементом для построения и самого существования правового, социального государства и развитых институтов гражданского общества. Защита собственности институтами уголовного права, гражданского права, уголовного процесса продолжает оставаться одним из самых насущных и, как мне кажется, достаточно обширно проработанных основных вопросов в науке уголовного права.

Указанные обстоятельства обуславливают актуальность и практическую значимость темы исследования данной выпускной квалификационной работы магистра.

При написании настоящей выпускной квалификационной работы (далее – ВКР) магистра в качестве целей были поставлены: изучить понятия, проанализировать особенности и выделить актуальные проблемы исследуемой категории преступлений, а именно преступлений, указанных в главе 21 УК РФ, то есть направленных против собственности. Целью данной работы также является составление предложений, которые могли бы усовершенствовать действующее законодательство Российской Федерации, помочь в практической работе правоприменителей.

Для достижения поставленной цели предлагается выполнить конкретные научные действия, а именно проанализировать теоретическую основу исследуемой темы, дать характеристику особенностям квалификации рассматриваемой категории преступлений, а также дать характеристику особенностям квалификации таких преступлений, в зависимости от объекта и субъекта преступления против собственности, его объективной и субъективной стороны, то есть элементов состава преступления.

В качестве объекта исследования в работе будет использоваться общественные отношения, которые будут возникать в каждом случае совершения исследуемой категории преступлений, однако через призму уголовного законодательства Российской Федерации.

Предметом исследования является российское уголовное законодательство, содержащее анализ составов преступлений против права собственности, научные труды исследователей в данной сфере, материалы правоприменительной практики.

Теоретическая основа исследования - научные труды ведущих отечественных правоведов, а также публикации в юридической периодике по анализируемым вопросам, в частности, таких авторов, как А.А. Князьков, Н.М. Корда, В.М. Лебедев, М.А. Москвина, А.Н. Перетолчин, В.И. Петрашов,

Е.А. Скобина, Н.В. Соколова, Ф.Р. Сундуров, Е.В. Суслина, А.М. Шарипов, О.Ф. Шишов, В.П. Щербаков и других авторов.

Нормативной базой ВКР выступают действующие нормы Конституции Российской Федерации, а также Уголовного кодекса Российской Федерации, Федерального закона Российской Федерации от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [44], Федерального закона Российской Федерации от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [45], а также прочие нормативно-правовые и нормативные акты, в которых содержатся нормы, трактующие квалификацию преступлений против собственности в поле уголовного законодательства Российской Федерации.

Методологическая основа исследования. Для достижения целей и реализации задач исследования использовался комплекс общих и специально-научных методов и приемов научного познания социальных и правовых явлений. В ходе работы применялись также методы формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция) для исследования нормативных актов, материалов судебных дел, аналитических материалов, концепций, точек зрения авторов по отдельным вопросам, входящих в предмет работы.

Научная новизна исследования состоит в изучении проблем квалификации преступлений против собственности в уголовном праве Российской Федерации, в качестве таковой также можно выделить момент указанных выше предложений усовершенствования уголовного законодательства Российской Федерации для более точной и правильной квалификации преступлений, которые исследуются в данной работе.

Структура ВКР представляет из себя введение, три главы, заключение, а также список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика преступлений против собственности

1.1 Понятие и виды преступлений против собственности по УК РФ

К данным преступлениям относятся следующие: уголовно наказуемое деяние, предусмотренное ст. 158 УК РФ - тайное хищение имущества, а также 158.1 УК РФ – «повторное мелкое хищение»; мошенничество в «чистом виде» (ст. 159 УК РФ), а также его разновидности, в зависимости от объекта посягательства (ст.ст. 159.1-159.3, 159.5-159.6); уголовно наказуемые деяния в отношении вверенного виновному чужого имущества (ст. 160 УК РФ присвоение или растрата); хищение чужого имущества путём непосредственного активного воздействия на потерпевшего, то есть путём грабежей, разбоев и вымогательства (ст. 161-163 УК РФ); хищение чужого имущества особой категории, то есть предусмотренное ст. 164 УК РФ хищение предметов, имеющих особую ценность; аналогичное ст. 159 УК РФ преступление, однако без признаков хищения – причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием, ответственность за которое предусмотрено ст. 165 УК РФ; «Угон» автомобиля, то есть неправомерное завладение им, без признаков хищения, предусмотренное ст. 166 УК РФ; уничтожение или повреждение имущества, становящиеся уголовно-наказуемыми при умышленном совершении, уголовная ответственность за что предусмотрена ст. 167 УК РФ; аналогичные действия, совершенные по неосторожности, ответственность за которые предусмотрена ст. 168 УК РФ.

Однако следует обратить внимание, что часть преступлений, покушающихся на чужую собственность, входят в другие главы уголовного законодательства Российской Федерации – УК РФ. Они включают в себя, а также детально характеризуют все элементы преступлений, посягающих на систему экономики государства, а также иных противоправных деяний,

имеющих место в организациях, принадлежащих к различным организационно-правовым формам собственности, перечисленным в статье 50 Гражданского кодекса РФ [14, с. 99].

Как показывают научные исследования, в одном разделе УК РФ такие преступления, как злоупотребления полномочиями, коммерческий подкуп, воспрепятствование предпринимательской деятельности, «игорные дела», незаконная банковская деятельность, невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей, преднамеренное банкротство, контрабанда «соседствуют» с кражей, мошенничеством, грабежом, разбоем, уничтожением и повреждением имущества умышленно или по неосторожности по причине единого «однородного» объекта, которым выступает «экономическая система Российской Федерации в целом, основанная на рыночных производственных общественных отношениях» [21, с. 159].

Таким образом, в качестве родового объекта преступлений, предусмотренных этим разделом, выступают общественные отношения, обеспечивающие надлежащую работу экономической системы государства.

Отношения в сфере собственности, регламентируемые законом, обладающие формой, предусмотренной законом, называются видовым объектом данных преступлений.

Исследуемая глава также содержит статьи об ответственности за преступления, направленные, в том числе и на здоровье человека. Но эти преступления являются дополнительным непосредственным объектом только при совершении разбоя, а также вымогательства.

Предметом преступлений, связанных на посягательство против отношений собственности, может быть исключительно имущество. Определение «имущество» не содержится в Уголовном кодексе Российской Федерации. [22, с. 2]. Оно детально регламентируется гражданским законодательством. При рассмотрении понятия «имущество» с точки зрения гражданского законодательства, выявляется, что имущество – это

совокупность вещей, то есть материальные объекты, имеющие вещественные признаки. В целом, гражданское право пользуется более расширенным понятием имущества. Оно включает в данный термин как вещи материального мира, так и права, непосредственно вытекающие из имущественных отношений (статьи 66, 128 Гражданского кодекса Российской Федерации) [4, с. 213]. Таким образом, в силу гражданского законодательства, термин «имущество» используется для обозначения вещей, в том числе денег и ценных бумаг, а также прав на имущество, непосредственно вытекающих из права собственности (ст. 128 ГК РФ). Имущественное право включает в себя право управомоченного лица требовать от обязанных по закону или договору лиц осуществление передачи имущества или иных имущественных благ.

Анализ судебной практики показывает, что в рамках уголовного права при рассмотрении вопросов о преступлениях против собственности, в случае, когда объектом преступления является имущество (движимое и недвижимое, деньги, вещи и ценные бумаги, обладающие конкретной материальной формой, попросту говоря, которое «можно пощупать»).

Вместе с тем, с введением в УК РФ и, в частности, в главу 21 УК РФ, таких понятий, как «банковский счет», «электронные денежные средства», «электронные средства платежа», имуществом также стали являться вещи, воплощенные в «электронном виде».

Из анализа законодательства и судебной практики следует, что природные ресурсы, одушевленные существа, а также дикие животные, рыба, лес и находящиеся в нем растения и т.д. ни при каких обстоятельствах не могут быть, то есть считаться предметом преступлений рассматриваемой категории [29, с. 13-16].

Преступления рассматриваемой категории могут быть внешне выражены и в действии, и в бездействии. Чаще всего встречаются случаи совершения таких преступлений при помощи совершения активных и целенаправленных действий, например: кража- тайное хищение имущества, грабеж - открытое хищение имущества, уничтожение или повреждение

чужого имущества, угон транспортного средства т.д. Совершение преступлений против собственности при уничтожении и (или) повреждении чужого имущества в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, а также при других обстоятельствах возможно также в результате уголовно наказуемого бездействия.

Субъективная сторона исследуемой категории преступлений образуется из признаков прямого умысла, умышленных действий, совершенных с корыстным умыслом, то есть когда виновник ясно понимает и осознанно совершает противозаконное и неблагоприятное деяние, заранее предвидит, что неизбежно наступят последствия данного деяния, и хочет, чтобы они наступили- неправомерное изъятие у законного собственника похищенного имущества и завладение им). Значительное число преступлений против собственности преступники совершают по внутренним побуждениям, направленным на получение имущественных выгод лично для себя и его близких.

Вместе с тем, если совершено уничтожение или повреждение имущества, преступное в силу статьи 168 УК РФ, напрашиваются выводы о том, что со стороны виновного лица имела место неосторожность в виде его небрежности или самонадеянности. Можно прийти к выводу, что имела место именно небрежность, в случаях, когда субъект преступления не учёл, что непосредственно вслед за его неправомерными действиями или бездействием неотвратимо наступят общественно опасные последствия, хотя он должен был или мог заранее предвидеть это. Самонадеянность квалифицируется, если субъект думал о том, что, возможно, такие последствия наступят, но, проявив легкомыслие, считал, что у него всё находится под контролем, и он сможет их предотвратить, как говорится, надеялся на пресловутое русское «авось».

Очень важно четко представлять себе, что некоторые из исследуемых видов преступлений могут быть совершены одновременно с двумя формами вины. Примером может служить ст. 167 УК РФ, при условии наличия квалифицирующего состава данного преступления - с причинением смерти. В

таком случае преступник с прямым умыслом уничтожает (повреждает) чужое имущество и с косвенным умыслом по неосторожности причиняет либо вред, либо смерть потерпевшему.

Субъектом исследуемой категории преступлений, то есть направленных против собственности, может рассматриваться исключительно физическое вменяемое лицо, которое в полной мере способно отдавать отчет в совершении своих действий и осуществлять осознанное руководство ими, а также достигшее возраста, с которого возможно наступление уголовной ответственности, именно на момент совершения общественно опасного деяния.

По сравнению с российским законодательным урегулированием, в зарубежной уголовно-правовой теории концепции квалификации преступлений против собственности имеют особенности, присущие только им. Для более полного сравнения понятия «преступления против собственности» целесообразно обратиться к совершенно иной уголовно-правовой системе, применяемой, в частности, в Соединенных Штатах Америки (далее - США).

В законах многих иностранных государств предусмотрена уголовная ответственность за совершение различного рода неправомерных деяний против чужой собственности, она устанавливается за хищения в общем и отдельные его виды, на что указывается в работах зарубежных авторов (Герберта Харта и других) [49, с. 117].

Обзор показывает, что, как и в Российской Федерации, в США преступления против собственности составляют основную массу совершаемых преступлений, поскольку общее количество данных преступлений, судя по открытым источникам в сети «Интернет», составляет ежегодно до 90% [17, с. 15]. В США, в отличие от Российской Федерации, общегосударственной системы уголовного права не имеется. Американский федерализм имеет свои характерные особенности, присущие только ему. Так, в государстве в данное время функционируют пятьдесят три вполне

сложившиеся и устоявшиеся правовые системы. В них входят: пятьдесят штатов США, федеральный округ Колумбия, в котором располагается столица - Вашингтон, а также территория под управлением США - государство Пуэрто-Рико. В связи с этим в стране существует правовая двойственность. Она означает, что на территории каждого штата США действует право именно этого штата, а в некоторых ситуациях – и общенациональное законодательство. Поскольку в системе права США нет аналога Уголовного кодекса Российской Федерации, считаю обоснованным кратко проанализировать «Примерный уголовный кодекс (США)» (далее – Примерный УК США), изданный научными деятелями. Так, в США имеется понятие «larceny», что означает кража. Отличительной особенностью данного состава преступления от российского аналога, по американскому законодательству, является наиболее широкое понимание предмета хищения. Так, в предмет хищения, согласно мнению ученых-теоретиков и практиков Примерного УК США (параграф 223.0), включены не только объекты недвижимости и движимое имущество, но и объекты природы, а также жилищно-коммунального хозяйства (вода, газ, электричество и прочее) [16, с. 220-221].

Всё это существенно отличается от законодательства Российской Федерации [50, с. 39-40].

Эта система состоит из следующих деяний: кражи и иные виды хищений, включая грабежи (бёрлглэри – кражи со взломом (квартирные кражи) и иные преступления, связанные с незаконным проникновением в производственные и жилые помещения, вымогательством, причинением вреда, уничтожением чужого имущества, поджогами [50, с. 45]. В уголовном праве североамериканских штатов выделяют родовое понятие кражи (хищения), в него входят хищение (хищение), присвоение (растрата), хищение имущества обманным путем (ложные предлоги). Но в некоторых штатах, таких как Флорида, Джорджия, Колорадо — «кража (theft)» означает только воровство [.

– Кража (theft) как основная форма хищения в законодательстве

США включает в себя следующие фундаментальные квалифицирующие признаки

- нарушение прав собственника или другого законного владельца и его перемещении,
- предметом кражи могло быть только движимое имущество (неправомерное переоформление прав на земельные участки наказывалось по другим статьям);
- наличие вещественного признака (требование изъятия и передвижения имущества);
- имущество должно быть именно чужим. В отношении определенного имущества несколько лиц могут иметь одинаковые полномочия (партнеры в фирме, супруги при общей совместной собственности, совладельцы при долевой собственности).

В уголовном законодательстве, УК Российской Федерации прослеживается чёткое отличие грабежа от разбоя. Но в законодательстве США имеется существенное различие, там широко применяется термин – «robbery», которое включает в себя и грабеж, и разбой, и буквально переводится на русский язык с английского языка - «ограбление», предусматривающее открытое похищение имущества виновным лицом у потерпевшего, сопровождающееся насилием и угрозами в адрес потерпевшего лица. При этом важно, чтобы нападение было реальным, без всяких домыслов и воображения потерпевшего. При вымогательстве же требования виновного лица о передаче ему имущества потерпевшим распространяется на какие-то определенные периоды времени (дни, недели, месяцы, годы) [51, с. 40].

Весомый вклад в создание американского законодательства о борьбе с противоправными посягательствами против собственности сделало английское общее право и право справедливости. Стоит отметить, что в Великобритании – «Старом Свете», как её когда-то называли, Закон о краже (хищении) 1968 года признал недействующими большинство норм общего права. В то же время, в уголовном законодательстве США появились

значительные отличия от английского права. К ним следует отнести: классификация краж, краж со взломом – «берглэри», грабежей и разбоев по степени опасности преступного посягательства [52, с. 74].

Относительно новым составом преступления (если сравнить с кражей) в историко-правовом развитии США является присвоение (embezzlement).

Противоправное изъятие чужого имущества с помощью обмана (если переводить буквально – с помощью различного рода ложных заявлений) является самостоятельной формой преступления против собственности (false pretenses) [52, с. 91]. В федеральном законодательстве преступления против собственности сгруппированы в разделе 18 СЗ. Они разбросаны по разным главам, так как расположены по алфавиту английского языка, они начинаются с поджога – (arson), так как первая буква английского алфавита -а. Такое размещение статей не помогает надлежащему уяснению гражданами особенностей регулирования ответственности и наказаний за преступления против собственности на общегосударственном уровне [53, с. 39].

В целом, проанализировав вышесказанное, в качестве обобщающего вывода можно отметить, что уголовное законодательство Российской Федерации включает в себя значительное количество различных видов преступлений против собственности, различающихся по элементам состава преступления. Американское уголовное законодательство имеет сложную систему в связи с типом государственного устройства страны, его изучение предоставит возможность повысить эффективность правового регулирования квалификации преступлений против собственности нормами как материального, так и процессуального права.

1.2 Понятие и признаки хищения, разграничение понятий «хищение», «неправомерное завладение без цели хищения» и «причинение имущественного ущерба»

Под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [42, с. 120].

Указанный термин включает в себя всеобъемлющий перечень признаков, присущих для всех разновидностей хищений. Целесообразно отметить, что исключительно значимо выделить основные признаки, в совокупности неразрывно составляющие содержание понятия хищения.

Термин «корыстная цель» включает в себя преступное желание получить имущественную выгоду на неправомерных основаниях, а также незаконные действия виновного лица, направленные на достижение поставленной им преступной цели: незаконно завладеть имуществом. Это связано с тем, что по уголовному закону, одни только преступные мысли и желания, которые не сопровождаются какими-то действиями, не считаются преступлениями. Подразумевается, что лицо планирует добиться корыстной цели только при помощи незаконно изъятого имущества, а не каким-то иным методом. Следовательно, изъятие считается совершённым с корыстной целью только если виновный имеет твёрдое намерение превратить похищенное имущество в свою собственность или в пользование иных лиц и незаконно осуществлять комплекс полномочий по владению, пользованию и распоряжению похищенным имуществом.

Под незаконным изъятием толкуется полное отсутствие любых прав (законных, договорных) на незаконно изымаемое имущество. Следует отметить, что имущество может быть изъято только способом, предусмотренном в уголовном законе. Это объясняется тем, что статья 1 УК РФ не допускает применения права по аналогии. Этой особенностью

уголовное право коренным образом отличается от гражданских и семейных правоотношений, в которых допускается применение аналогии закона - применение правовых норм, регулирующих похожие правоотношения, и аналогии права - принятие решений, руководствуясь общими началами и принципами законодательства: разумности, гуманности, справедливости, добросовестности).

Изъятие чужого имущества как незаконное действие подразумевает, что имущество отнимается как с помощью насилия, так и без его применения у собственника либо иного законного владельца, перемещается любым путем в пространстве. В итоге потерпевший лишается права на реализацию своих законных полномочий по владению, пользованию и распоряжению похищенным у него имуществом, в то время как преступник незаконно пользуется полномочиями собственника. Необходимо иметь в наличии совокупность признаков для признания неправомерного изъятия чужого имущества:

Во-первых, имущество обязательно должно принадлежать юридическому лицу на основании права собственности или других законных основаниях, или же быть зарегистрированным на балансе предприятия по учтённому приходу в соответствии с требованиями законодательства о бухгалтерском учете либо оно должно фактически находиться у его законного собственника или иного правообладателя - физического лица. Если имущество не поступило на баланс предприятия, утверждать о его изъятии и хищении будет незаконно и необоснованно, следовательно, никакой речи о хищении быть не может.

Во-вторых, для обеспечения надлежащей квалификации хищения необходимо, чтобы имущество было незаконно похищено из основных или оборотных фондов собственника, иного законного владельца. Во время незаконного взятия у вещи меняется место её нахождения, она переходит «в чужие руки»: из владения законного собственника либо законного владельца в чужое неправомерное владение, пользование и распоряжение. Часто

предметом неправомерных действий является движимое имущество (транспортные средства и т.п.).

Римские юристы выделяли два элемента по владению и пользованию имуществом: субъективный – под которым подразумевалось желание или волеизъявление владельца владеть вещью, для себя, извлекать пользу из него для себя, и объективный - реальная реализация прав владельца в отношении объекта права собственности. Наличие первого элемента не требует особых форм проявления, а всегда предполагается, если существует второй, то есть это фактическое господство лица над вещью.

Как отмечает доктор юридических наук С.И. Архипов: «Из рассуждений Г. Гегеля, И. Канта и И. Фихте, а также некоторых представителей юридической науки о правовом владении можно выделить главное: оно предполагает интеллектуальное отношение к предмету, прямо не связано с физическим держанием вещи...» [1, с. 12]. Эту точку зрения на вещи в непростой период постоянного развития и глобализации экономики, совершенствования различных средств коммуникации и гаджетов становится всё более распространённым. В наше сознание постепенно приходят идеи о необходимости применения различных новых компьютерных технологий, регулирующих и налаживающих договорные отношения между их участниками [27, с. 16]. Это содействует увеличению оборота на рынке товаров, работ и услуг, различного характера, на новый уровень выходят страховая и инвестиционная деятельность. Управление предприятиями зачастую не требуют от собственника лично присутствовать на производственных объектах: высокий уровень развития цифровых технологий даёт им возможность осуществлять все необходимые производственные и социально-экономические юридически значимые действия при помощи различных технических достижений современной науки и техники.

Таким образом, изъятие имущества предусматривает не только фактическое изъятие вещи, но также и юридическое переоформление прав собственности на нее (в виде дарения, купли-продажи, уступки права, и

прочее).

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении растрате» предусматривает, что обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям.

Мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению [24, с. 8].

Противоправность изъятия или обращения трактует, что виновное лицо вообще не располагало никакими правовыми основаниями для владения похищаемым имуществом: ни реальными, ни предполагаемыми. При этом, под реальными правами имеются в виду право на получение спорного имущества, обусловленное законом, договором, иным основанием для возникновения обязательств в соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ и других нормативно-правовых актов. Если же субъект твердо убежден, что ему принадлежат все законные права на имущество, изымаемое

им, то его действия необходимо квалифицировать как самоуправство [21, с. 7]. Предполагаемое право возникает в случае, если лицо неверно понимает и толкует положения закона. Лицо считает, что является законным наследником наследодателя, и заселяется в его жилое помещение (дом, квартиру, коттедж). На самом же деле субъект преступления не является наследником ни по одному из оснований наследования (к ним относятся закон или завещание), либо приговором суда, вступившим в законную силу, он признан недостойным наследником, посягавшим на жизнь и здоровье наследодателя, других наследников. Самовольное осуществление предполагаемого права судебным и правоохранительным органам необходимо расценивать именно как совершение самоуправства. Противоправности как неотъемлемого элемента хищения при самоуправстве нет, этим оно и отличается от хищения.

Безвозмездное изъятие имущества – это приобретение его виновным лицом без предоставления равноценного экономического возмещения за него. Возмещение может быть в натуральном виде – в этом случае виновным лицом приобретается такая же вещь или же похожая по её стоимости), или же в денежном выражении стоимости вещи [47, с. 10]. Если ущерб, причиненный владельцу вещи, не был возмещен в соответствии со стоимостью уничтоженного, похищенного или поврежденного имущества, то в таком случае следует закономерный вывод о безвозмездном изъятии имущества [47, с. 13].

Частичное возмещение стоимости имущества виновным лицом вовсе не отменяет факта хищения. Данное обстоятельство является смягчающим уголовную ответственность, которое суд имеет право принять во внимание при вынесении приговора подсудимому [47, с. 8].

Устоявшаяся судебная практика предусматривает, что изъятие имущества при помощи его замены менее ценным ни в коей мере не влияет на квалификацию, и квалифицируется в качестве хищения. Стоимость похищенного определяется при этом в размере денежной стоимости изъятого имущества. Допускается возможность компенсировать стоимость изъятого

имущества с применением личного труда виновного лица. Если похищены деньги, предназначавшиеся для выдачи заработной платы, или платы за выполнение работ по договору подряда, то в таких случаях правомерно возникает вопрос применения личного труда для возмещения ущерба. Если работы, предусмотренные трудовым или гражданско-правовым договором, были реально выполнены, то состава хищения не усматривается. А когда заработная плата начислялась и получалась за работы, которые фактически не были выполнены виновными лицами, - то, конечно, в этом случае перед нами налицо безвозмездное изъятие как неотъемлемый признак хищения имущества.

При причинении ущерба собственнику, другому владельцу имущества, состав имущества, разумеется, становится меньше по количеству и по качеству.

В состав данного ущерба не входит упущенная выгода. Под упущенной выгодой подразумеваются те доходы, которые собственник может получить и распоряжаться ими, при полном соблюдении его имущественных прав и интересов и при надлежащем выполнении обязательств другой стороной, как этого требует законодательство.

На момент совершения хищения имущество может находиться не лично у собственника, а у лица, которому он передал его во временное владение или пользование на законных, договорных основаниях - арендатора, поверенного, поручителя и т. д». [12, с. 27].

Кража считается «тайным хищением чужого имущества». Под словом «тайное» в русском языке понимается «что-то скрытое, известное узкому кругу лиц» [17, с. 223]. Это значение принимается во внимание во время отграничения открытого хищения имущества от тайного в науке уголовного права и правоприменительной практике.

Теория уголовного права утверждает, что критерий тайности делится на два вида: объективный и субъективный. Объективный критерий подразумевает, что виновный неправомерно завладевает чужим имуществом,

когда рядом нет собственника, иного законного владельца, либо виновный неправомерно посягает на чужое имущество при посторонних лицах. При этом эти лица по целому ряду причин (малолетний возраст, невменяемость) не сознавали, что виновный совершает противоправные действия. Учитывая изложенное, данный критерий определяется как отношение к самому факту совершенного деяния с одновременной его оценкой другими лицами, не являющимися соучастниками преступления (случайные свидетели совершения кражи). Рассматриваемый выше субъективный критерий предусматривает, что действия виновника незаметны для иных лиц, которые, однако, не являются соучастниками преступления [40, с. 64].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 предусматривает, что указано в его пункте № 2: «Как тайное хищение квалифицируются действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника, или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо же хотя бы и в их присутствии, но незаметно для них [23, с. 1].

Тайным хищением имущества также будет квалифицироваться случаи, когда преступник, действуя явно для окружающих, с субъективной точки зрения уверен был в том, что действия его тайны, то есть не замечал, что иные видят совершенное им преступление.

Напрашивается вывод, что под тайностью похищения понимается объективный признак деяния, его внешняя сторона – способ выражения объективной стороны преступления. Но при надлежащем выявлении тайного способа хищения решающее значение находится именно у субъективного критерия тайности похищения чужого имущества.

В судебной практике неоднократно появлялись дискуссионные вопросы о правильной квалификации действий лиц, которые изымали чужое имущество не из корыстных мотивов [23, с. 24]. В связи с этим Пленум Верховного Суда Российской Федерации в указанном выше Постановлении разъяснил судам, что «Не могут быть отнесены к кражам или грабежам

противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, предположим, с целью временно воспользоваться им и потом вернуть имущество его законному собственнику, либо в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по другим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации» [24, с. 14].

В некоторых статьях УК РФ анализируется понятие «неправомерное завладение без цели хищения», однако не все статьи данной категории преступлений размещены в главе преступлений против собственности.

Например, статья 166 УК РФ подробно характеризует все существующие особенности применения ответственности лица за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон). Под неправомерным завладением транспортным средством без цели хищения понимается также совершение поездки под управлением владельца или собственника транспортного средства в результате применения к нему насилия или угрозы применения насилия (в соответствии с пунктом "в" части 2 либо частью 3 или 4 статьи 166 УК РФ), поскольку в таком случае указанное лицо лишается возможности распоряжаться транспортным средством по своему усмотрению. Таким образом, при изложенных обстоятельствах потерпевший полностью теряет свои законные правомочия: право и возможность распоряжаться, владеть и пользоваться транспортным средством по своему желанию.

Необходимо отметить, что такое преступление, как угон транспортных средств, как отдельный состав уголовно наказуемого деяния, впервые как в законодательстве, так и на практике стал применяться лишь в 1965 году, тогда как такие преступления стали совершаться намного раньше, как только автомобили стали появляться в местах массового пребывания людей, вызывая у лиц, склонных к совершению таких преступлений, чувство азарта к чему-то новому. В УК РСФСР данное преступление так и назвалось – угон транспортных средств. Помещена данная статья в УК РСФСР в главе с

наименованием «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» [43, с. 24]. Затем законодатель пришел к выводу, что объектом этого преступления выступает только собственность. Затем состав указанного преступления стал размещаться в главе 21 УК РФ.

Отличительной особенностью угона, отграничивающего его от хищения имущества, в том числе, транспортного средства, является его цель.

Так, целью угона является намерение пользоваться чужим транспортным средством в личных интересах. Интересы могут быть различными, к примеру, гражданин, не имеющий собственного авто, имеет срочную необходимость поехать куда-либо, или же просто испытать ни с чем не сравнимое чувство восторга, душевного подъёма от управления им, особенно на высокой скорости. На практике встречаются случаи, когда такое преступление совершается с целью сокрытия иного преступления, либо же для облегчения совершения иного, не связанного с угоном автомобиля, либо же его последующего хищения, преступления [27, с. 12].

Советский и российский судья, ученый-правовед Вячеслав Михайлович Лебедев придерживался точки зрения, что значение завладения как признака угона не соответствует признаку хищения, закрепленному уголовным законодательством. Несоответствие выражается в том, что при угоне чужого транспортного средства виновное лицо завладевает им не навсегда, а только на некоторое время. При этом у него нет корыстной цели: распорядиться чужим имуществом как своим собственным [12, с. 390].

Однако, говоря о таких признаках угона, как завладение транспортным средством без намерения присвоить его, высший судебный орган указывает, что такое завладение, пусть и временное, предполагает пользование чужим транспортным средством в личных целях. Поэтому «перемещение автомобиля буксированием на маленькое расстояние – несколько метров от места стоянки, для освобождения места для парковки автобуса, не имея намерения использовать транспортное средство в личных целях, не может

рассматриваться в качестве неправомерного завладения транспортным средством и поездки на нем» [14, с. 5].

Невозможно оставить без внимания такое преступление, как самоуправство (статья 330 УК РФ). Многие ученые приходят к выводу о том, что под самоуправством подразумевается самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином в судебном или административном порядке (указанное деяние считается преступным, если такими действиями виновное лицо причинило существенный вред потерпевшему).

Объективная сторона самоуправства характеризуется следующими двумя основными свойствами. При этом, особое внимание необходимо обратить на то, что противоправные деяния, в рамках данного преступления, должны совершаться именно в нарушение регламента, который установлен законом или иным нормативно-правовым, либо же нормативным актом. Затем следует отметить, что гражданин или юридическое лицо, чьи интересы нарушаются в результате неправомерных действий - «гражданские истцы» - оспаривают их в судебном либо административном порядке, предусмотренном действующим гражданским процессуальным либо административным законодательством [35, с. 68].

В Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере

Положения указанной статьи могут быть применены, если в деянии нет признаков мошенничества. То есть это выражается в том, что ущерб причиняется не в виде утраты имущества, а в виде неполученных доходов (упущенной выгоды). В частности, по ст. 165 квалифицируется получение путем обмана услуг телефонной связи, доступа к сети «Интернет» с использованием чужого пароля и логина, транспортных и иных услуг,

уклонение от оплаты электроэнергии, поселение постояльцев в гостиницу без должного оформления и т.п. (присвоение при этом денежных средств, полученных работником, наделенным полномочием получать плату, рассматривается в качестве хищения этих денег и квалифицируется по ст. 160 УК). Статья 165 УК РФ может быть применена и в иных ситуациях, например, в случаях, когда происходят злоупотребления правами со стороны опекунов и иных представителей по отношению к подопечным, представляемым лицам (в т.ч. и коммерческих), злоупотребления предоставленными опекунам правами при расчетно-кассовом обслуживании банком и т.п. В данных обстоятельствах нельзя говорить о существовании признаков мошенничества в общем или его отдельных составных элементов: противоправности, корыстности, безвозмездности. Решая вопрос о надлежащей квалификации преступления, предусмотренного статьей 165 УК РФ, судебным и правоохранительным органам важно детально уточнить и проверить, был ли причинен ли собственнику или иному владельцу имущества реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной выгоды, то есть неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено путем обмана или злоупотребления доверием.

Обман или злоупотребление может выражаться, например, в представлении лицом поддельных документов, освобождающих от уплаты установленных законодательством платежей (кроме указанных в статьях 194, 198 и 199 УК РФ) или от платы за коммунальные услуги, в несанкционированном подключении к энергосетям, создающим возможность неучтенного потребления электроэнергии или эксплуатации в личных целях вверенного этому лицу транспорта. Злоупотребление доверием в ст. 165 понимается иначе, чем в норме о мошенничестве.

Злоупотребление доверием в этом аспекте предполагает обязанность лица по условиям трудового или иного договора, в силу закона или специального полномочия действовать в чужих интересах. Совершая в личных

интересах деяние вопреки вверенным его попечению интересам, причиняя вред вверенному интересу, обязанное лицо тем самым злоупотребляет оказанным ему доверием.

В пределах доверительных отношений обязанность заботиться о чужих интересах отсутствует, следовательно, исключается признание содеянного в качестве злоупотребления доверием в смысле статьи 165.

Следовательно, нельзя квалифицировать по этой статье, например, невозврат долга. Если же при невозврате долга судебными или следственными органами установлен обман в намерении исполнить обязательство на момент совершения сделки - содеянное может быть квалифицировано только как совершение мошенничества.

В целом, проведенное исследование позволяет сформулировать общий вывод о том, что понятия «хищение», «неправомерное завладение без цели хищения», «причинение имущественного ущерба» не являются синонимами. При анализе ст. 166 УК РФ и ст. 158 УК РФ чётко видно, что случае, если виновный угоняет автомобиль с целью разукomплектования и последующего использования, содеянное квалифицируется как хищение имущества, а если же угон был совершен для того, чтобы разбить автомобиль, например, из ревностных побуждений, такое деяние будет квалифицироваться уже как «причинение имущественного ущерба».

1.3 Понятие и признаки уничтожения и повреждения имущества, разграничение понятий «имущественный ущерб», «моральный вред»

Уголовным кодексом Российской Федерации определена уголовная ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если потерпевшему причинен значительный ущерб вследствие совершения общественно опасных деяний (ст. 167).

Объектом данного преступления выступают отношения собственности, регулируемые различными отраслями права: гражданским, финансовым, административным, уголовным, а предметом преступления является чужое имущество – и движимое, и недвижимое.

При уничтожении или повреждении лицом чужого имущества способом, опасным для жизни и здоровья многих лиц, то есть когда чужому имуществу причиняется вред, без влияния значения умысла, то есть когда лицо, совершившее преступление, в ходе его совершения субъективно может допустить тот факт, что в результате его действий пострадает не только имущество потерпевшего, на которое деяния направлены, но и имущество третьих лиц, то такое деяние также влечет за собой ответственность по ст. 167 УК РФ.

Если при тех же обстоятельствах вред чужому имуществу причиняется по неосторожности, то такое деяние должно быть квалифицировано по ст. 168 УК РФ (в обоих случаях при исчислении ущерба учитывается только тот ущерб, который причинен чужому имуществу).

Объективная сторона включает действие, последствия и причинную связь. Совершение данного преступления возможно, как путем совершения действий, так и бездействия, однако необходимо установить причинно-следственную связь между деяниями.

Преступления, предусмотренные ст.ст. 167 и 168 УК РФ, могут быть совершены в результате преступного бездействия. Под бездействием понимается невыполнение виновным лицом определенных действий, которые оно должно было и реально имело возможность выполнить, учитывая жизненный опыт, должностное положение, требования нормативно-правовых актов по охране труда. Но виновное лицо предпочло бездействие, и преступным результатом такого бездействия стали общественно опасные последствия (повреждение или уничтожение чужого имущества).

Судебная практика включает в себя много фактов уничтожения и повреждения имущества в результате преступного бездействия: например,

согласно требованиям профессионального стандарта, квалификационных справочников, должностной инструкции работник должен был предоставлять корм, необходимый уход закрепленным за ним домашним и диким животным (на ферме, в приюте для безнадзорных животных и т.п.), заботиться о сохранности вверенного ему чужого имущества от разрушительного влияния климатических, биологических и прочих природных факторов (например, сырости, ветров, бурь, коррозии), но эти лица не исполняли надлежащие должностные обязанности по уходу за животными, закрепленные в должностной инструкции или профессиональном стандарте, в итоге животные погибли, заболели, имущество уничтожилось, разрушилось - частично или полностью.

К сожалению, довольно часто имеет место неисполнение виновным в повседневном обиходе или же во время работы широко известных норм безопасности и пренебрежения специальными нормами, составленными с целью предупреждения возможного причинения вреда. Преступник безразличностью относился, либо вовсе не желал прийти к возможным последствиям; оставление без надлежащего контроля включенных в сеть электроприборов, предметов оргтехники - ксероксов, принтеров, персональных компьютеров и других, источников повышенной опасности; непринятие предусмотренных противопожарными регламентами мер безопасности при выполнении огневых работ (преступная небрежность или так называемая самонадеянность).

Уничтожение имущества предусматривает приведение его в полную негодность – то есть имуществом больше невозможно пользоваться по его целевому предназначению.

Причинение же вреда вещи понимается как повреждение имущества, в условиях сохранения общего вида, то есть неполного уничтожения, однако в связи с которым её (вещи) потребительская стоимость существенно снижается, однако, пользоваться данной вещью по её дальнейшему назначению возможно без каких-либо ограничений.

Анализируемое преступное деяние отграничено от административного правонарушения лишь суммой причиненного ущерба. Если ущерб причинен гражданину, он в силу примечания 2 к ст. 158 УК РФ при этом не может быть меньше 2,5 тыс. руб.

Статья 168 УК РФ делает преступлением уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. В ранее действовавшем Уголовном кодексе РСФСР размер крупного ущерба, причиненного чужому имуществу в результате неосторожного обращения с огнем, не был точно предусмотрен. Суды при рассмотрении каждого гражданского иска, возникающего в результате совершения преступления, оценивали размер ущерба.

Когда такие дела рассматриваются в суде, при вынесении приговора всегда оценивается размер уничтоженного либо поврежденного имущества. При этом, при рассмотрении дел такой категории суды всегда руководствуются, в соответствии с требованиями закона и разъяснениями высших судов, примечанием за № 4 к статье 158 УК РФ.

При решении вопроса о размере уничтоженного либо поврежденного имущества судам следует руководствоваться пунктом 4 примечания к статье 158 УК РФ [18, с. 1].

Из названных требований следует, что указанное выше преступление, будет совершено в крупном размере, когда размер ущерба, причиненного таким преступлением потерпевшему, будет превышать 250 тысяч рублей. Указанное последствие проявляется в реальном материальном ущербе, причиненном виновным лицом.

Уничтожение, а равно повреждение имущества, которые были совершенные в связи с неосторожностью лица, и не в крупном размере не являются ни преступлениями, ни административными проступками. Если есть законные основания, то это неправомерное деяние считается гражданским

правонарушением (деликтом), следовательно, виновное лицо несёт ответственность, предусмотренную положениями Гражданского кодекса РФ.

Законом на суд при проведении оценки степени значительности ущерба, не возлагается обязанность принимать во внимание материальное положение потерпевшего, даже когда ущерб причинен государству или юридическому лицу.

Если вред причинен пострадавшему не во исполнение требований договора, то законодатель применяет понятие «причинение вреда» (глава 59 Гражданского кодекса РФ). При этом вред подразделяется на возмещение причиненного вреда в натуре (предоставление вещи такого же рода и качества, исправление поврежденной вещи и т. п.) и возмещение убытков (ст. 1082 ГК РФ).

Толкование ст. 1082 ГК РФ даёт определение убытков как всех тех денежных затрат, которые должен понести причинитель вреда, чтобы восстановить своё нарушенное право, в том числе и неполученные доходы.

Такая теория развивает господствующую в научной литературе теорию возмещения вреда, при которой под возмещением ущерба понимается возмещение в натуральной форме, а возмещение убытков является получением эквивалентной денежной компенсации [12, с. 365].

Установленная п. 2 ст. 15 ГК РФ норма гласит: «В состав убытков входят реальный ущерб и упущенная выгода». По сравнению со ст. 1082 ГК РФ, понятие убытков, заложенное в ст. 15 ГК РФ, гораздо шире, так как речь идет не только о денежных компенсациях на восстановление нарушенного права, включая упущенную выгоду, но и о предоставлении вещи в натуральном виде, её исправлении. Следовательно, под убытками понимаются как расходы (реальный ущерб), так и доходы, которые могло бы получать лицо при надлежащем выполнении обязательств (упущенная выгода). Такой вывод очень важен, так как позволяет четко разграничить случаи возмещения реального ущерба от упущенной выгоды.

Анализ действующего законодательства показывает, что понятие «вред» не является общим по отношению к понятию «убытки».

Правоприменитель должен четко разграничивать случаи применения категорий «убытки» и «вред». Если же наступают неблагоприятные последствия в результате недобросовестного исполнения обязательств, возникающих из заключённого договора, то следует применять положения главы 25 ГК РФ, в которой законодатель анализирует понятие «убытки». Причинение же вреда относится к внедоговорным обязательствам (их подробно регулирует глава 59 ГК РФ). Норма, содержащаяся в статье 15 ГК РФ, является общей нормой по отношению к специальным нормам, сформулированным в главах 25 и 59 ГК РФ.

Для надлежащей квалификации деяния необходимо уяснить юридическую правовую природу правоотношений. В случае, если обязательства возникают из договора, то необходимо применять положения главы 25 ГК РФ; если обязательство возникает из причинения вреда, нужно применять гл. 59 ГК РФ; если обязательство возникло по другим основаниям (п. 2 ст. 307 ГК РФ), то нужно обязательно применять положения ст. 15 ГК РФ [25, с. 28].

Моральный вред, в частности, может состоять в том, что лицо испытывает сильные морально-нравственные переживания из-за физической боли, вытекающей из причиненного телесного повреждения, другого вреда здоровью либо в связи с заболеванием, перенесенным потерпевшим лицом, из-за нравственных тревожений, огорчений, разочарований, страданий и других отрицательных эмоций».

Кроме того, для возникновения гражданско-правовой ответственности за причинение вреда необходимо наличие следующих условий:

- вина причинителя вреда,
- противоправность действий (бездействия);

– причинная связь между неправомерными действиями причинителя вреда и наступившим вредом (комментарий к статье 1064 Гражданского кодекса РФ) [27, с. 11].

Для надлежащей квалификации преступления нужно принимать в расчет именно реальный - фактический ущерб.

Виновное лицо должно возместить потерпевшему все убытки, причиненные в результате наступления вреда. У многих ученых часто встречается концепция, что последствия, наступающие для лица как результат совершенного им преступления, образуются по как по фактическому ущербу, так и по упущенной выгоде. Таким образом, они в имущественный ущерб включают прямые убытки, которые представляют из себя расходы, понесенные собственником на восстановление права, которое было нарушено в связи с совершением преступления, а также косвенные (в виде упущенной выгоды- неполученных доходов, на которые он рассчитывал и имел право получить). Но в реальной жизни достаточно сложно доказать и обосновать размер причиненного ущерба, выражающегося в виде упущенной выгоды, так как весьма обременительно доказать факты неполучения предполагаемого дохода, на который лицо рассчитывало в ходе осуществления деятельности. Поэтому иногда делается вывод, что упущенную выгоду нельзя считать последствием преступления, в связи с тем, что само определение размера ущерба весьма затруднительно, а иногда и вообще невозможно. Статья 307 УПК РФ предусматривает, что суд при вынесении обвинительного приговора умышленное уничтожение или повреждение имущества, должен подробно проанализировать все мотивы вынесения им решения об имеющихся в деле документах, подтверждающих причинение значительного ущерба, или об отсутствии этих документов (при этом обязательно сослаться на действующие нормы законодательства и все доказательства по делу, исследованные в судебном заседании) [36, с. 120-122].

Также, такие преступления, обычно подразумевают причинение реального материального ущерба имуществу потерпевшего. Упущенная

выгода зачастую является выступает как последствие совершения других преступлений, например, раскрывающихся в ст.ст. 146-147, 165 УК РФ.

Состав преступления является материальным – то есть преступление является оконченным с момента наступления общественно опасных последствий в виде причинения ущерба.

Если в ходе совершения хищения чужого имущества было умышленно уничтожено или повреждено имущество потерпевшего, не являвшееся предметом хищения (например, мебель, бытовая техника и другие вещи), содеянное следует дополнительно квалифицировать по ст. 167 УК РФ при условии причинения значительного ущерба.

Субъективная сторона характеризуется виной в виде умысла (прямого или косвенного), когда виновный осознает общественную опасность своего деяния, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде ущерба и желает их наступления либо не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично (косвенный умысел). Покушение на преступление возможно только с прямым умыслом.

Имеются квалифицирующие признаки такого преступления, среди которых выступают хулиганские побуждения; уничтожение имущества общеопасным способом, то есть с применением поджога, взрыва и другого способа; причинение по неосторожности смерти человека или иных тяжких последствий.

Следует отметить: уничтоженное имущество имело невысокую стоимость в денежном отношении, необходимо принимать во внимание всю степень тяжести последствий совершения преступления, к которым могло привести уничтожение имущества общеопасным способом (поджог, взрыв и т.п.). При данных обстоятельствах преступные действия подлежат дополнительной квалификации соответствующими составами преступлений, предусмотренных УК РФ.

При наличии прямого умысла, направленного на причинение имущественного ущерба в значительном размере, возможна квалификация содеянного как покушения на преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 167 УК РФ, если ущерб в значительном размере не был причинен по независящим от лица обстоятельствам.

Умышленное причинение смерти и любого вреда здоровью (тяжкого, средней тяжести, легкого) не охватывается ст. 167 УК РФ и требует дополнительной квалификации по нормам о преступлениях против личности.

При решении вопроса о том, причинен ли значительный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например, в зависимости от рода его деятельности и материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества.

Статья 168 предусматривает ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенное по неосторожности. Признаки состава этого преступления в основном повторяют признаки состава умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ).

Различия включают в себя детальную характеристику совершенного деяния, размера причинённого им ущерба, субъективной стороны, выражающейся в формах вины, и они существенно влияют на квалификацию преступления. Эти различия будут проанализированы во второй главе исследования.

В завершение первой главы считаю необходимым сделать следующие выводы.

В УК РФ преступления, направленные против собственности расположены в отдельной главе 21 УК РФ. Считаю, что в данном случае это

является хорошим примером соблюдения правил юридической техники, в целом, облегчающим работу правоприменителям.

Под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Для надлежащей квалификации преступных деяний и гражданских деликтов судебные и правоохранительные органы должны достаточно ясно разделять и отличать друг от друга правовые категории «убытки», «вред» и «моральный вред».

При решении вопроса о том, причинен ли значительный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например, в зависимости от рода его деятельности и материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества.

Глава 2 Проблемы квалификации преступлений против собственности

2.1 Проблемы квалификации кражи

В соответствии со статьёй 8 УК РФ, единственным основанием для привлечения к уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления [41, с. 4].

Верная квалификация преступлений, проведенная в соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства, имеет, безусловно, исключительно важное значение. Прежде всего, она даёт возможность отчетливо отграничить преступление от неправомερных деяний, похожих на них по некоторым свойствам: дисциплинарных проступков в процессе реализации трудовых правоотношений их участниками - работниками и работодателями, гражданских правонарушений в связи с ненадлежащим исполнением обязательств сторонами и обязательств, возникающим из причинения вреда имуществу, жизни и здоровью, морального вреда, и, конечно, из административных правонарушений (проступков). Также квалификация преступления предоставляет возможность отмежевать данное преступление от похожих на него составов преступлений (по объективной стороне и объекту).

Большинство ученых и практических работников правоохранительных и судебных органов полагает, что кража является одним из самых элементарно простых для квалификации преступлений. Тем не менее, в процессе квалификации такого элементарно простого и, на первый взгляд, не вызывающего серьезных затруднений такого состава преступления, как кража, зачастую можно столкнуться лицом к лицу с дискуссионными проблемами, по которым у ученых есть диаметрально противоположные суждения.

Прежде всего, к ним относится проблема правильного разграничения между кражей, в случае свершения которой необходимо применять положения

статьи 158 УК РФ, гласящей необходимость применения различных мер уголовного наказания, и административного проступка, ответственность за который предусмотрена ст. 7.27 КоАП РФ [9, с. 12]. Как видно, критерием разграничения между административным правонарушением и преступлением является сумма похищенного имущества на момент выявления хищения. Я разделяю мнение, что это разграничение является необоснованным и немотивированным, в связи с тем, что экономика нашей страны по политическим и экономическим причинам отличается нестабильностью: постоянно происходит инфляция, и происходит неизбежное: уменьшение покупательной способности рубля. Исходя из этого, мне представляется обоснованной точка зрения, что следует отграничивать кражу, наказуемую в уголовном порядке, от мелкого хищения в прямой связи с размером минимальной оплаты труда, установленным законодательством, или с размером прожиточного минимума, указанного в источниках права: Федеральном законе «Об оплате труда», Постановлениях Правительства РФ, действующих на момент совершения тайного похищения виновным чужого имущества.

Следует отметить еще один дискуссионный вопрос, когда преступление совершено с квалифицирующими признаками, однако сумма похищенного не подпадает под уголовную ответственность.

Так, в силу законодательства, хищение имущества в сумме менее одной тысячи рублей не является уголовно-наказуемым деянием, однако если такое имущество похищено группой лиц по предварительному сговору; с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище; с причинением значительного ущерба гражданину; с незаконным проникновением в жилище; из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода; в крупном размере; с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренных иными статьями УК); совершено лицом с использованием своего служебного положения; организованной группой; в особо крупном

размере; из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем; повлекло лишение права гражданина на жилое помещение, то такое деяние будет являться преступлением.

Между тем, стоит обратить внимание, что в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 14 УК РФ деяние, не представляющее общественной опасности в силу малозначительно, содержащее, формально, признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, не будет являться преступлением.

Анализ показал, что в правоприменительной практике до настоящего времени не сформулировано единого согласованного представления о малозначительности. Мне представляется правомерной концепция, что при определении малозначительности необходимо тоже привязываться к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ), установленному законодательством, или же - размеру прожиточного минимума.

Е.А. Скобина, С.А. Шишкина в научной статье «Некоторые проблемы квалификации кражи» подчеркивают: «Важным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного статьёй 158 УК РФ, является тайный способ хищения. Умение отграничивать смежные с кражей составы преступлений по способу совершения преступления на практике позволяет избежать таких ошибок, которые иногда допускаются судами первой инстанции. В данной статье вышеуказанные авторы приводят пример из судебной практики. Так, Верховный Суд Республики Башкортостан Апелляционным Постановлением от 19 мая 2014 г. переквалифицировал действия Хайруллова со ст. 161 ч.1 УК РФ на ст. 158 ч.1 УК РФ. Хайруллов признан виновным в грабеже. Находясь в доме своих знакомых «Е», «Л», открыто похитил планшет стоимостью 13 тыс. руб., с находившейся в ней сим картой, флеш-карту, а также мобильный телефон. Суд апелляционной инстанции изменил приговор по следующим основаниям. Как следует из обвинительного заключения, Хайруллов похитил планшет и мобильный телефон потерпевшей тайно для неё, когда она спала. Действия Хайруллова органы следствия квалифицировали как грабеж на том основании, что

преступление он совершил в присутствии своих знакомых, находившихся в доме, где они совместно в течение нескольких дней распивали спиртные напитки. Таким образом, указанные лица не являлись Хайруллову посторонними. По смыслу ст. 161 УК РФ к числу посторонних нельзя отнести лиц, с которыми похититель связан такими отношениями, которые дают ему реальное основание полагать, что они не будут препятствовать изъятию имущества. Как следует из обвинительного заключения, «Е» и «Л» действительно не препятствовали хищению указанного имущества, а затем совместно потратили деньги, вырученные от реализации похищенного.

При таких обстоятельствах, исходя из правовой позиции Верховного Суда РФ, действия Хайруллова подлежат переквалификации с ч. 1 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ» [37, с. 63].

Совместно с моим научным руководителем в научном юридическом журнале «Юридический факт» 13 июня 2022 года (№ 176) опубликована статья «Проблемы отграничения кражи от находки и пути их решения» раскрывается проблемный и дискуссионный вопрос науки и практики гражданского и уголовного права: различие между кражей и находкой [15, с. 28]. Как указывают авторы статьи: «Статья 227 ГК РФ содержит только права и обязанности лица, нашедшего чужое имущество, и не включает в себя дефиниции термина «находка».

Следовательно, эта статья ГК РФ и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», не могут в полной мере дать ответ, какое имущество необходимо признавать находящимся в собственности, владении, пользовании и распоряжении законного владельца, и чётко сформулировать исчерпывающий перечень критериев, по которым можно отличить и отграничить находку от краж, за совершение которых применяется уголовная ответственность».

В Гражданском кодексе РФ не закреплена правовая дефиниция «находка», в статью 227 ГК входят только права и обязанности лица, нашедшего имущество, потерянное его собственником.

Если вещь найдена в помещении или на транспорте, она должна быть передана нашедшим её лицу, которое представляет интересы владельца этого помещения или транспортного средства. В этом случае лицо, которому сдана находка, приобретает права и несет обязанности лица, нашедшего вещь.

Нашедший вещь несёт ответственность за её утрату или повреждение только если в его действиях будет выявлен умысел или грубая неосторожность. Размер ответственности определяется, исходя из стоимости вещи [4, с. 138].

Для надлежащего регулирования гражданских правоотношений необходимо:

- Дополнить статью 227 Гражданского кодекса Российской Федерации определением термина «находка».

- Дополнить статью 158 УК РФ о том, что к краже приравнивается также присвоение найденных вещей с учетом возможности освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным частью 2 статьи 14 УК РФ.

- В Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» внести изменения, изложив п. 2 в редакции, содержащей формулировку: какое имущество необходимо признавать находящимся в законном обладании собственника либо иного другого владельца на основании приобретения права собственности: закона, договора и других, а также четко перечислить необходимые критерии отграничения правомерных действий – находку – от противоправных и наказуемых – тайного хищения имущества.

- Совершенствование правовых норм, регламентирующих понятия кражи и находки, будет способствовать правильно и единообразному

применению правовых норм судами всех инстанций и всеми правоохранительными органами, расположенными под юрисдикцией нашего государства.

2.2 Проблемы квалификации мошенничества

Наряду с кражей, одним из самых распространённых преступлений против собственности, является мошенничество [11, с. 81].

Уголовный кодекс Российской Федерации раскрывает определение мошенничества, как «Хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем применения обмана или злоупотребления доверием».

За совершение этих преступлений ответственность предусмотрена статьями 159.1-159.6 УК. Специальные нормы о мошенничестве должны быть применены, если в действиях виновного лица будут присутствовать все характерные признаки мошенничества, перечисленные в статье 159 УК (кроме случаев мошенничества в сфере компьютерной информации, которое вполне может быть совершено и без обмана со стороны виновного лица).

Чёткое и однозначное определение мошенничества, прежде всего, даёт шанс отделить друг от друга два разных вида совершения такого преступления - хищения чужого имущества и приобретение права на чужое имущество, а также характеризует и описывает способы его совершения.

Обман, как способ хищения, состоит либо в том, что виновное лицо сообщает заведомо неправдивую информацию, либо вообще не упоминает об обстоятельствах, сообщение о которых являлось обязательным.

Неправдивая информация, сообщаемая преступником потерпевшему, может быть самой разной. В одних случаях она связана с характеристикой личности виновного и его правосубъектности (в неё входят права и полномочия, которыми он наделён), в иных - с наступившими или возможными различными событиями. Обман может выражаться в устной, письменной либо иной форме.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [24, с. 1], предоставил судам разъяснения в целях обеспечения точного и единообразного применения всеми судами в Российской Федерации, чтобы исключить неправильные толкования правовых норм, и как следствие, непоправимые ошибки в квалификации данных преступлений.

Анализ данного Постановления в целом указывает, что при проведении квалификации различного рода мошенничеств необходимо соблюдать рекомендации в случаях, если имеет место конкуренция нормы общей и специальной. Так, при выявленной конкуренции между нормами, например, в случае конкуренции преступления по ст. 159 и преступления по ст. 159.5 УК РФ, нужно применять специальную норму, то есть ст. 159 примечание 5 УК РФ. В случае же, если в данном уголовном деле обнаружены смягчающие обстоятельства, например, ст. 159 примечания 1 УК РФ и ст. 159 примечание 5 УК РФ), то в таких случаях обязательно применять норму, смягчающую уголовную ответственность. Если конкурируют нормы, ни одна из которых в полном объеме не включает в себя другую, например, ст. 159 примечание 3 УК РФ и 159 примечание 6 УК РФ, то следует применять норму, включающую в себя наиболее подробное описание всех обстоятельств содеянного. Это понятие является субъективным оценочным признаком. Оно устанавливается правоприменителями с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела (как смягчающих, так и отягчающих уголовную ответственность).

В научных юридических кругах до настоящего времени возникают дискуссии по поводу определения и разграничения понятий «обман» и «злоупотребление доверием». Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъяснено: «Способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при некоторых видах мошенничества являются обман или злоупотребление

доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу, либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом. Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на обман собственника имущества или другого лица, владеющих имуществом на законных основаниях. Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям.

Если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа» (п. 2).

Злоупотребление доверием в случае совершения мошенничества выражается в том, что виновное лицо использует крепко установившиеся с владельцем имущества или иным лицом, наделённым правом принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам социальные связи, такие как дружеские, любовные, и тому подобные. Доверие может быть обусловлено и иными и служебным положением лица, и его личными отношениями с потерпевшим и другими (п.3).

В соответствии со словарем С.И. Ожегова: «Доверие - уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, правдивости, в правильности чего-нибудь» [17, с. 122].

Злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты за поставку товара, если оно заведомо- до заключения договора - при этом вообще никогда не планируя возвращать потерпевшему лицу сумму долга в соответствии с заключенным между ними договором займа, а также честно и добросовестно исполнять все взятые на себя обязательства в соответствии с установленными требованиями гражданского законодательства).

В случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, появился у лица до получения чужого имущества или права на него. О наличии такого умысла могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями договора, использование лицом при заключении договора поддельных документов, в том числе документов, удостоверяющих личность, уставных документов, гарантийных писем, справок, сокрытие лицом информации о наличии задолженностей и залогов имущества, предстоящей реорганизации в различных её формах: выделение, присоединение, раздел и других, ликвидации предприятия, распоряжение полученным имуществом в личных целях вопреки условиям договора и другие (п. 4)».

Важно принимать во внимание, что данные обстоятельства не могут заранее предугадать выводы суда о виновности или невиновности лица, обвиняемого в совершении мошенничества. В каждом конкретном

преступном деянии необходимо с учетом всех обстоятельств совершённого виновным лицом преступного деяния чётко установить, что виновное лицо имело прямой умысел и заведомо не собиралось исполнять свои обязательства, регламентированные законом или договором.

Для мошенничества свойственно, что пострадавший добровольно передаёт имущество виновному лицу (но всё же это происходит под влиянием обмана или злоупотребления доверием). Мошенник, в отличие от вора, разбойника или грабителя, совершает противоправные действия не по отношению к завладению имуществом, а с помощью различных психологических манипуляций, хитрых приёмов влияет на волю и психику потерпевшего, чтобы добиться от него передачи чужого имущества в свое незаконное распоряжение [11, с. 82].

Кражи и мошенничества различаются между собой также предметом преступления (в мошенничестве он намного шире, чем в краже); а также моментом, с которого преступление считается оконченным (мошенничество в отношении права на имущество считается оконченным составом преступления, когда виновным лицом уже приобретено право на это имущество); в мошенничестве у виновного есть правомочия по распоряжению имуществом потерпевшего, при совершении же кражи таких правомочий у виновного не имеется, возрастом, с которого субъект преступления может быть привлечен к уголовной ответственности (14 лет - в случае кражи, 16 лет - мошенничество).

Но наиболее существенное отличие кражи от мошенничества состоит в том, что при совершении мошенничества обман проявляется в качестве способа совершения преступления, а при совершении кражи сущность обмана состоит в том, что он облегчает её совершение.

По тем же основаниям мошенничество чётко отграничивается от разбоя.

В качестве кражи необходимо квалифицировать случаи, когда в преступных целях используется доверие малолетних и несовершеннолетних детей и невменяемых лиц с целью незаконно завладеть имуществом, так как

они не способны отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. В таких случаях виновный завладевает имуществом тайно, потерпевшие не выражают своего волеизъявления [23, с. 150].

Ожидаемый всплеск выпуска в оборот пластиковых карточек доказал, что законодателю необходимо срочно усовершенствовать способы защиты проведения процедуры расчетов в безналичном порядке, нацеленных на данные средства платежа. В связи с этим в УК РФ в редакции 1996 года включена законодательная новелла - статья, регламентирующая ответственность за изготовление, приобретение, хранение, транспортировка в целях использования или сбыта, а равно сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных в ст.186 УК), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, (ст. 187 УК РФ). Ее отграничение от мошенничества проводится так же, как разграничение мошенничества от сбыта поддельных денег или ценных бумаг. Если подделка высокого качества, и зрительно её невозможно отличить от подлинных документов, то в таких случаях должна быть применена статья 187 УК РФ. Если же поддельные документы имеют низкое качество, и не похожи на подлинные кредитные или дебетовые карты, то состоявшийся сбыт поддельных карт с корыстной целью у виновного: получить имущество, в полной мере позволяет правоохранительным и судебным органам квалифицировать деяние в качестве мошенничества. Мошеннические действия нередко сопряжены с незаконными действиями при проведении процедуры банкротства юридических лиц [41, с. 150].

2.3 Проблемы квалификации присвоения или растраты

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъяснено: «Под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ), следует понимать: должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ; государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами; иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации» [24, с. 15].

Подчас в следственной практике для правильной квалификации деяний виновного лица крайне важно чётко отделить отграничения ч. 3 ст. 160 УК Указанное преступление, по своему составу, схоже с такими преступлениями, связанными с злоупотреблением должностным лицом должностными полномочиями, ответственность за которые также предусмотрена действующим уголовным законом.

В условиях, когда виновный незаконно использовал своё служебное положение в качестве способа хищения чужого имущества, содеянное должно быть квалифицировано именно по ст. 160 УК РФ.

В практике судебно-следственной встречаются случаи квалификации злоупотребления полномочиями, которое, несмотря на совершение их по мотивам корысти и причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества и государства, не должно было быть квалифицировано как хищение.

Установлены случаи, когда, например, недостача материально-ответственным лицом при ведении учета хранения и выдачи товарно-материальных ценностей совершена не в корыстных целях, а по причине халатности при осуществлении служебной деятельности, то есть умысла у должностного лица на обращение этого имущества в свою пользу не было выявлено и доказано [34, с. 3].

Необходимо отметить, что уменьшение объема, также количества чужого имущества в анализируемых случаях будут служить основным признаком наличия хищения, в случае же злоупотребления полномочиями – такие факты будут выявляться не всегда.

Не представляет сложности разграничить злоупотребление полномочиями от хищения в случаях, когда злоупотребление не связано с уменьшением фондов предприятия.

Злоупотребление полномочиями от хищения можно разграничить, обратив внимание на факт безвозмездного уменьшения основных и оборотных фондов чужого имущества.

Само по себе безвозмездное изъятие имущества предполагает, что субъект преступления не будет компенсировать в каком-либо виде стоимость, равноценную неправомерно изымаемых ценностей.

Возмездное изъятие имущества действия можно понимать, как временное пользование чужим имуществом, либо передача его третьим лицам, без цели обращения его в свою собственность, либо же в собственность третьих лиц.

Таким образом, в случае изъятия чужого имущества безвозмездно, в действиях преступника имеются признаки хищения, а когда имущество изымается на возмездной основе – имеет место быть злоупотребление полномочиями.

В качестве яркого примера можно привести случай, когда виновный растрчивает денежные средства, вверенные ему на цели развития предприятия, в своих собственных целях.

При этом, хищением будет считаться не только обращение имущества в свою пользу, но и в пользу третьих лиц. Вместе с тем, на практике имеется тенденция относить лиц, в пользу которых обращается похищенное имущество, на «узкий» и «широкий» круг, который определяется объективным и субъективным отношением и связями. Так, к «узкому» кругу относятся близкие лицу люди, то есть родители супруги, дяди и тёти, братья и сёстры, кумовья, свояки и пр.)

Интересным в рассматриваемом отношении выступает следующий случай из судебной практики.

П. на основании протокола общего собрания учредителей общества с ограниченной ответственностью «Термика-Профи» (далее по тексту ООО «Термика-Профи») и соответствующего приказа, назначен на должность генерального директора указанного предприятия, основным видом деятельности которого, является оптовая торговля санитарно-техническим оборудованием, дополнительным видом деятельности оптовая торговля прочими строительными материалами и изделиями. Согласно п.п. 7.11. устава ООО «Термика-Профи» П. без доверенности был наделен полномочиям единоличного исполнительного органа.

У П., который находился на территории города Ялта, возник преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества путем обмана, совершенное лицом с использованием своего служебного положения в крупном размере, под предлогом выполнения работ по строительству дома из профильного бруса проекта «Яуза» заказчиком которого должен был выступать Потерпевший №1, при этом, заранее не имея намерения выполнить взятые на себя обязательства.

В указанное время в дневное время суток, Потерпевший № 1 по средствам телефонного разговора с П., договорились, что оплата строительства дома из профильного бруса проекта «Яуза» будет проходить поэтапно. В свою очередь П., умышленно с корыстным мотивом, сообщил Потерпевшему №1 заведомо ложную не отвечающую действительности

информацию о том, что в договор подряда будет включена предоплата за изготовление комплекта для дома, который он якобы будет заказывать на одном из заводов в Кировской области, при этом он не собирался заключать каких-либо договоров на изготовления материалов для строительства дома из профильного бруса проекта «Яуза» и предоставлять их Потерпевший № 1.

Во исполнение своего преступного умысла, П., используя свое служебное положение как генерального директора ООО «Термика-Профи», обладая в рамках деятельности указанного предприятия, а также правом вести финансово-хозяйственную деятельность, проводить переговоры с правом подписания договоров, действуя умышленно, руководствуясь корыстными мотивами, предвидя наступление общественно-опасных последствий и желая из наступления, выступая в качестве подрядчика, под предлогом заключения договора подряда, заранее не имея намерения выполнить взятые на себя обязательства, в виде выполнения этапов работ по строительству дома из профильного бруса проекта «Яуза», на земельном участке, находящемся в собственности Потерпевшего №1 и в срок не позднее 30 календарных дней с момента начала работ (дата начала работ – в течении 4-х рабочих дней с даты подписания договора) передать его заказчику, заключил договор подряда № 21 от 20 марта 2018 года между Потерпевшим № 1 (заказчик) и ООО «Термика-Профи» (подрядчик) в лице генерального директора П., согласно п. 3.2. платежи по договору осуществляются заказчиком наличными средствами поэтапно в следующем порядке: п. 3.2.1 платеж в размере 380000 рублей как предоплата за изготовление комплекта для дома; п. 3.2.2. платеж в размере 225000 рублей на момент поступления комплекта для дома на участок заказчика; п. 3.2.3. платеж в размере 70000 рублей на момент поступления комплекта для дома на участок заказчика (оплата автомобиля); п. 3.2.4. платеж в размере 30000 рублей на момент начала работ по сборке; п. 3.2.5. платеж в размере 60000 рублей на момент сборки стен дома; п. 3.2.6. платеж в размере 80000 рублей на момент закупки дополнительного пиломатериала; п. 3.2.7. платеж в размере 60000 рублей на момент

необходимости закупки кровли; п. 3.2.8. платеж в размере 60000 рублей на момент завершения монтажа крыши; п. 3.2.9. платеж в размере 80000 рублей на момент закупки чистового пола и вагонки; п. 3.3.0. платеж в размере 80000 рублей на момент закупки окон и дверей, краски; п. 3.3.1. платеж в размере 55000 рублей на момент завершения работ по покраске установке окон, дверей, пола, покраске.

Потерпевший № 1, находясь по адресу: <адрес>, не зная о преступных намерениях П., доверяя из ошибочной убежденности в добросовестности его действий, выполняя условия договора подряда № 21, передал П. денежные средства в сумме 380000 рублей за этап строительства, в свою очередь П.. выдал на имя Потерпевший №1 приходный кассовый на указанную сумму.

Таким образом, П., не собираясь исполнять взятые на себя обязательства, в частности п. 3.2.1 изготовление комплекта для дома, согласно условий договора подряда № 21 от 20 марта 2018 года, путем обмана похитил денежные средства Потерпевшего №1, на общую сумму 380000 рублей, которыми распорядился по своему усмотрению и обратив их в свою пользу, причинил Потерпевшему №1, материальный ущерб в крупном размере [30, с. 4].

Также следует отметить, что хищение имущества или денежных средств в виде присвоения или растраты необходимо четко отличать от совершения кражи. Для того, чтобы квалифицировать хищение по статье 160 Уголовного кодекса РФ, важно скрупулезно проверить наличие специальных должностных полномочий у субъекта преступления. Если лицо имело доступ к похищаемому имуществу в связи с наличием у него функциональных рабочих обязанностей или в связи с другими обстоятельствами, и при этом не имело специальных полномочий, такое деяние необходимо квалифицировать только в качестве кражи по статье 158 УК РФ [47, с. 250].

2.4 Проблемы квалификации грабежа

В целях обеспечения правильного применения законодательства об уголовной ответственности за кражи, грабежи и разбойные нападения и в связи с возникшими в судебной практике вопросами издано Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

В данном постановлении даётся чёткое разграничение понятий таких преступлений, грабеж и разбой, которые, в силу данного постановления, разграничиваются по признакам опасности насилия, что указано в п. 21 этого постановления [23, с. 8].

В судебной практике встречаются факты возвращения уголовных дел прокурору по данным обстоятельствам.

Интересным представляется следующий случай из практики.

Иваненко обвинялся в совершении грабежа, то есть открытом хищении чужого имущества (принадлежащего Потерпевший № 2), при следующих обстоятельствах: 31 марта 2020 года примерно в 11 часов 40 минут, находясь в районе дома № 4 по ул. Больничный проезд в пгт. Кореиз г. Ялты, Иваненко увидел принадлежащий Потерпевший №2 мотоцикл «Kawasaki ZZR 250». В этот момент у Иваненко возник преступный умысел, направленный на открытое хищение указанного мотоцикла, реализуя который, осознавая общественную опасность своего деяния, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий и желая их наступления, действуя умышленно, противоправно, из корыстных побуждений, примерно в 11 часов 40 минут того же дня, находясь по указанному адресу, Иваненко в ходе разговора с Потерпевший №2, с целью получения доступа к управлению мотоциклом, сообщил Потерпевший №2 заведомо ложную, недостоверную, не отвечающую действительности информацию, о том, что он готов, приобрести мотоцикл «Kawasaki ZZR 250», за денежные средства в сумме 100 000 руб., не имея намерений и возможности выполнить взятые на себя обязательства.

После чего, для введения Потерпевший № 2 в заблуждение относительно своих намерений, Иваненко сообщил ему заведомо ложную, недостоверную, не отвечающую действительности информацию о необходимости на мотоцикле направиться к банкомату, расположенному по адресу: г. Алупка, ул. Ленина, д. 15, для снятия денежных средств в сумме 85000 руб., предназначенных для оплаты за указанный мотоцикл, не имея намерений выполнить взятые на себя обязательства. Потерпевший № 2, доверяя из ошибочной убежденности в добросовестности действий Иваненко и полагая, что последний действительно готов приобрести мотоцикл «Kawasaki ZZR 250» за денежные средства в сумме 100000 руб., которые необходимо снять в банкомате, расположенном по адресу: г. Алупка, ул. Ленина, 15, предоставил Иваненко доступ к управлению мотоциклом «Kawasaki ZZR 250», передав ему ключи, при этом предложив сопровождать Иваненко на принадлежащем ему автомобиле по пути к указанному банкомату, на что Иваненко согласился. Иваненко, продолжая реализовывать свой единый преступный умысел, осознавая общественную опасность своего деяния, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий и желая их наступления, действуя умышленно, противоправно, из корыстных побуждений, осознавая, что его действия носят открытый характер и очевидны для Потерпевший № 2, примерно в 12 часов 30 минут того же дня, находясь на участке автодороги, расположенном в 50 метрах от остановки общественного транспорта «Развилка» по адресу: г. Алупка, ул. Говыриных, д. 2-А, Иваненко, используя мощность и манёвренность мотоцикла «Kawasaki ZZR 250» по обочине с левой зоны обогнал рейсовый автобус и уехал в неизвестном направлении от сопровождавшего его Потерпевший №2, после чего, не реагируя на требования Потерпевший № 2, с похищенным имуществом с места совершения преступления скрылся, и обратив его в свою пользу, распорядился им по своему усмотрению, чем причинил Потерпевший № 2 материальный ущерб в размере 100000 руб.

Суд посчитал необходимым вернуть материалы уголовного дела в отношении Иваненко прокурору по следующим обстоятельствам.

В соответствии с правовыми позициями, изложенными в постановлении Конституционного Суда РФ от 02 июля 2013 года № 16-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина <данные изъяты> фио 2 и запросом Курганского областного суда» ограничение права суда на выбор нормы уголовного закона, подлежащей применению, или на возвращение уголовного дела прокурору, ставило бы решение суда в зависимость от решения органов предварительного расследования, обоснованность которого и составляет предмет судебной проверки. Суд вправе самостоятельно и независимо выбрать подлежащие применению нормы уголовного закона в случаях, когда в ходе судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Согласно п. п. 3, 4, 5 ч. 1 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении следователь указывает: существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела; формулировку предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих ответственность за данное преступление, перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания.

Изложенные в обвинительном заключении фактические обстоятельства преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ (хищение имущества Потерпевший № 2), в части изложения способа, избранного Иваненко, для совершения указанного преступления, а также в части размера причиненного ущерба, не соответствуют диспозиции ч. 1 ст. 161 УК РФ, что свидетельствует о неконкретности обвинения и нарушении права на защиту обвиняемого от предъявленного обвинения, а также о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, как более тяжкого преступления.

Изложенные обстоятельства, по мнению суда, исключают возможность постановления законного и обоснованного приговора или вынесения иного решения, в связи с чем, уголовное дело возвращению прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УК РФ [31, с. 2-3].

Важным нюансом для надлежащей квалификации преступлений, направленных против собственности, совершенных группой лиц, является эксцесс исполнителя.

Указанное событие является особым обстоятельством, которое качественно воздействует на квалификацию совершенного преступления. За эксцесс несет ответственность исключительно сам исполнитель, а остальные соучастники - только за такие действия, которые охватывались их умыслом. При назначении наказания важно отношение каждого соучастника к характеру и размеру причиненного или возможного вреда. Например, соучастник во время совершения преступления предотвратил причинение более тяжкого вреда, а во время расследования дела и рассмотрения его в суде принимал активное участие в раскрытии преступления, в возмещении причиненного ущерба или компенсации морального вреда.

Так, Подольским городским судом Московской области 20 октября 2020 года слушалось уголовное дело по обвинению Савельева и Андриюшина по подпунктам «а, г» части 2 статьи 161 УК РФ [33, с. 10].

Примерно в 6 часов 19 минут ДД.ММ.ГГГГ Савельев и Андриюшин, будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь в магазине алкогольных напитков «Крепкое – Хмельное», расположенном по адресу: <адрес>, в ходе внезапно возникшего совместного преступного умысла, который был направлен на открытое хищение имущества находившегося там же В, из корыстных побуждений и под предлогом совместного распития алкоголя, Савельев предложил В выйти из вышеуказанного магазина на улицу к скамье, расположенной вблизи <адрес>, на что потерпевший согласился. Андриюшин, действуя совместно с Савельевым и в целях исполнения единого

преступного умысла открыто похитить чужое имущество, проследовал вслед за потерпевшим и Савельевым.

Далее, Савельев, в нарушение общего с Андриюшиным преступного умысла на совершение открытого хищения имущества В., и действуя самостоятельно, применил физическую силу к потерпевшему: нанес ему не менее двух ударов кулаком по лицу. Данными ударами ему была причинена физическая боль и телесное повреждение - кровоподтек на веке правого глаза. Это телесное повреждение не повлекло за собой кратковременного расстройства здоровья потерпевшего или незначительной стойкой утраты им общей трудоспособности, и поэтому судебно-медицинская экспертиза сочла его повреждением, не причинившим вреда здоровью человека, на основании пункта 9 Приложения к приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда здоровью, причиненного здоровью человека» от 24 апреля 2008 года № 194н.

От удара потерпевший В. упал на землю, после чего Савельев, Андриюшин, в продолжение общего корыстного преступного умысла – открыто похитить чужое имущество, стали проверять содержимое карманов одежды В, лежащего на земле, достав транспортные карты «Стрелка» и «Тройка», банковскую карту ПАО «ВТБ» №, не представляющие какой-либо материальной ценности для последнего и денежные средства на общую сумму 14 810 рублей, принадлежащие В. После чего Савельев и Андриюшин совместно покинули место совершения преступления, получив реальную возможность распорядиться по своему усмотрению похищенным у В. имуществом.

Переходя к вопросу о правовой оценке действий подсудимых, анализируя совокупность собранных доказательств по данному делу, суд законно, обоснованно и мотивированно пришел к выводу о необходимости состава преступления, предусмотренного п.п. «а, г» ч. 2 ст. 161 УК РФ на состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 161 УК РФ [33, с. 15].

Пунктом 6 названного постановления Пленума Верховного Суда РФ, определено, что «Кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению»,

Из тех доказательств, что были исследованы судом, не следовало, что у подсудимых Савельева и Андрюшина была именно предварительная договоренность (сговор) на совершение хищения имущества В. Таким образом, исходя из представленных сторонами доказательств, суд законно и обоснованно пришел к выводу, что в действиях подсудимого Савельева имел место эксцесс исполнителя, поскольку в процессе совместного с Андрюшиным преступления, на совершение которого изначально был направлен их единый умысел – открыто похитить чужое имущество группой лиц, он (Савельев) совершил преступление, которое не входило в умысел другого соучастника, то есть Андрюшин, применил насилие к потерпевшему.

В соответствии со ст. 36 УК РФ в случае эксцесса исполнителя иные соучастники преступления не привлекаются к уголовной ответственности за совершенный эксцесс исполнителя [42, с. 12].

2.5 Проблемы квалификации разбоя

Разбой отличается от кражи и грабежа, присвоения и растраты тем, что это преступление принадлежит к преступлениям, имеющим усеченный состав. При усеченном составе преступления преступление считается оконченным не иначе, как с того момента, как началось нападение, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. При этом для квалификации деяния не имеет значения, было ли имущество фактически изъято у потерпевшего, причинен ли реальный вред его здоровью. Если иная форма хищения (кража или грабеж), во время совершения постепенно или внезапно по своему количественному и качественному составу превратится в разбой, то в этом случае деяние

считается оконченным с момента применения угрозы насилием или насильем, свойственных именно для разбоя. Следовательно, можно сделать вывод, что разбой считается оконченным с момента начала нападения, независимо от того, была ли достигнута преступная цель завладения чужим имуществом или нет, в то время как грабеж считается оконченным с того момента, когда преступник завладел чужим имуществом.

Особому вниманию подлежит факт того, что квалификация деяний по ч. 3 ст. 30 ст. 162 УК РФ невозможна, поскольку сама диспозиция данного преступления не содержит обстоятельств, необходимых для такой квалификации. В случае, когда не удалось похитить имущество путем угроз применения насилия, опасного для жизни или здоровья, такие преступные деяния будут квалифицироваться по ст. 119 УК РФ. При этом, несовершение нападения, по независящим обстоятельствам от действий преступника, которые должны были быть совершены в целях хищения имущества, не может вовсе квалифицироваться как преступление, поскольку не влечет за собой общественно-опасных последствий. Вместе с тем, приготовление к такому преступлению возможно и влечет соответствующее наказание.

Надо отметить, что для разбоя имеются обязательные признаки хищения: чужое имущество, безвозмездность, противоправность, корыстная цель [47, с. 391]. Признаки фактического изъятия имущества у потерпевшего и причинение ущерба собственнику имущества не входят в состав обязательных признаков для разбоя.

Не всегда возможно чётко разграничить данные составы преступлений. Оценка действий преступника в основном зависит от позиции правоприменительного органа и местной практики. Законодатель сформулировал своё мнение в Постановлении Пленума Верховного суда от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое): «Под насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, понимается также нападение с целью завладения имуществом, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, которое хотя и не

причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья. В тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы как опасной для жизни и здоровья потерпевшего, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие к потерпевшему, и т.п.

Если в ходе хищения чужого имущества в отношении потерпевшего применяется насильственное ограничение свободы, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя должен решаться с учетом характера и степени опасности этих действий для жизни или здоровья, а также последствий, которые наступили или могли наступить (например, оставление связанного потерпевшего в холодном помещении, лишение его возможности обратиться за помощью» [23, с. 12].

2.6 Проблемы квалификации вымогательства

Понятие квалификации рассматриваемого преступления включает в состав два последовательных этапа:

- обнаружения признаков вымогательства в отношении потерпевшего лица;
- установление и закрепление в официальных процессуальных документах соответствия признаков фактически имевшего место деяния уголовно-правовой норме, грозящей применением уголовно-правовых наказаний за его совершение.

Уголовно-правовая квалификация определяется как соотнесение обстоятельств деяния, фактически совершенного виновным лицом, с

признаками состава преступления, регламентированными в уголовном законодательстве.

С целью законной и обоснованной квалификации преступных деяний по части 1 статьи 163 УК РФ необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства:

К предметам вымогательства принадлежат: чужое имущество, а также имущественные права, связанные с ним (владения, пользования, распоряжения).

Действиями имущественного характера в рассматриваемом случае будут выступать, например, производство строительных, инженерно-конструкторских, научно-исследовательских работ, оказание услуг грузоперевозки, медицинских услуг, создание автором произведений науки, литературы и искусства и других объектов интеллектуальной и промышленной собственности и т.д., или действия, подразумевающие получение материальной выгоды для вымогателя (передачу финансовых средств (денег, ценных бумаг различного вида), предоставление санаторно-курортных услуг на льготных условиях, включение в число наследников по завещанию или же учредителей фирмы, уничтожение долговых расписок при наличии договора займа и т.д.).

Исключительно значимым для анализа предмета преступления является то, что виновный не имеет абсолютно никаких законных прав на получение имущества. В других случаях виновный должен быть привлечен к ответственности по иным статьям Уголовного кодекса, например, по статье 330 УК РФ «Самоуправство».

Объективная сторона вымогательства – это противоправное требование со стороны виновного лица передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих личность и деловую репутацию потерпевшего или его близких, либо иных

сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

К угрозе можно отнести обещание виновного лица принести потерпевшему крупные неприятности, несчастья, разрушить его личную и профессиональную жизнь или поставить её под угрозу. Диспозиция статьи 163 статьи УК РФ предусматривает три формы, в которых угроза выражается вовне: применения насилия, уничтожения, повреждения имущества, шантажа. Под шантажом подразумевается угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего и его родных, а также других сведений, распространение которых может причинить существенный вред законным интересам и неимущественным благам потерпевшего или его близких. Позорящими сведениями являются любые сведения о личной жизни, профессиональной и общественной деятельности потерпевшего, распространение которых может повредить чести, достоинству и деловой репутации личности [12, с. 128].

М.А. Москвина в достойной внимательного изучения научной статье «Сложные случаи отграничения вымогательства от смежных составов преступления» высказывает суждение: «Специфика вымогательского требования выражается в том, что, если оно имеет своим предметом чужое имущество, оно может быть обращено только на будущее время.

Таким образом, при совершении вымогательства виновный не имеет цели добиться немедленного исполнения его противоправных требований. Именно в этом заключается одно из главных отличий вымогательства от хищения» [13, с. 100]. В процессе совершения грабежа или разбоя виновное лицо также заявляет требование о передаче ему чужого имущества, но при этом оно требует, чтобы потерпевший передал ему имущество именно во время нападения.

Проблемным в правоприменительной и судебной практике является разграничение ст. 163 УК РФ и 330 УК РФ.

В качестве яркого примера можно привести следующую ситуацию.

29 июля 2019 года около 20 часов 00 минут Сикорский, имея преступный умысел, направленный на совершение самоуправства, то есть вопреки установленному Гражданско-процессуальным кодексом Российской Федерации и иными нормативно-правовыми актами порядку осуществления процедуры истребования денежных средств, во исполнение своих преступных намерений, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность общественно-опасных последствий и желая их наступления, находясь на 720км + 400м автодороги «граница с Украиной-Симферополь-Алушта-Ялта» возле стелы «Артек» по Южнобережному шоссе в г. Ялта, незаконно, вопреки воли Потерпевший № 1, завладел принадлежащим ему мотоциклом «Kawasaki Z750» стоимостью 90000 руб., взяв его в залог в качестве гарантии последующего возмещения Потерпевший № 1 суммы ущерба, причиненного Сикорскому вследствие дорожно-транспортного происшествия, произошедшего около 11 часов 00 минут 29 июля 2019 года между Потерпевший №1, управлявшим вышеуказанным мотоциклом «Kawasaki Z750», и фио 1, управлявшей автомобилем «Шевроле Ланос» с г.р.з. №<номер>, принадлежащим Сикорскому на праве собственности. Сикорский с помощью фио 2 и неустановленных лиц, не осведомленных о противоправности действий Сикорского, погрузил вышеуказанный мотоцикл в багажник автомобиля «Шевроле Ланос» с г.р.з. № <номер>, после чего доставил его к месту своего постоянного проживания по адресу: <адрес>, где стал хранить вышеуказанный мотоцикл во дворе указанного дома. После чего Сикорский не позднее ноября 2019 года, находясь по адресу: <адрес>, распорядился принадлежащим Потерпевший № 1 мотоциклом «Kawasaki Z750» по своему собственному усмотрению, продав его неустановленному следствию лицу, получив за это денежное вознаграждение в сумме 25000 руб., тем самым лишив Потерпевший № 1 права владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему по праву собственности имуществом и причинив ему существенный материальный вред на сумму 90000 рублей.

Необходимо отметить, что указанные выше действия Сикорского были квалифицированы органом предварительного следствия по ч. 1 ст. 163 УК РФ, поскольку в ходе следствия было установлено, что Сикорский вымогал с потерпевшего денежные средства, угрожая уничтожить мотоцикл «Kawasaki Z750» в случае, если потерпевший не передаст последнему денежные средства в качестве возмещения ущерба, причиненного при «спорном» ДТП. Вместе с тем, государственный обвинитель в ходе судебного заседания посчитал необходимым изменить квалификацию деяний Сикорского с ч. 1 ст. 163 УК РФ на ч. 1 ст. 330 УК РФ.

По итогам судебного разбирательства, суд посчитал, что виновность подсудимого Сикорского в совершении инкриминируемых ему преступлений доказана исследованными в суде доказательствами и его действия суд квалифицировал по ч. 1 ст. 330 УК РФ, как самоуправство, то есть самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку, совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается гражданином, если такими действиями причинен существенный ущерб деяния Сикорского [12, с. 101].

В.М. Лебедев, комментируя Уголовный кодекс Российской Федерации, указал: «Если же предметом вымогательства является право на чужое имущество либо действия имущественного характера, то данный признак не считается обязательным. В случаях применения субъектом преступления насилия в процессе совершения вымогательства, то при квалификации таких деяний стоит учитывать все обстоятельства его применения, а также все смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства по данному уголовному делу» [12, с. 102].

2.7 Проблемы квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием

Способы совершения причинения имущественного ущерба имеют основополагающее значение для правильной квалификации содеянного правоприменительными организациями. Они отражены в статье 165 УК РФ, а также непосредственно влияют на оценку содеянного с точки зрения уголовного права, которая выражается в квалификации.

Именно применение обмана и злоупотребления доверием, является основанием для отграничения данного деяния от ненадлежащего выполнения обязательств, регламентированного требованиями гражданского и арбитражно-процессуального законодательства.

Ключевыми вопросами квалификации преступлений, предусмотренных статьёй 165 УК РФ, являются выявление наличия или отсутствия признаков хищения, а также проведение оценивания способа, при помощи которого было совершено данное деяние. Но ни УК РФ, ни Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении растрате» не содержат юридически обоснованного и исчерпывающего определения терминов обмана и злоупотребления доверием.

Знаменитый лингвист Сергей Иванович Ожегов в толковом словаре русского языка даёт следующее толкование слова «обман»: «Обманом является ошибочное представление о чем-либо, заблуждение» [17, с. 43].

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова трактует злоупотребление так: «Это проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав, возможностей, а доверие – как уверенность в чьей-либо добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь» [17, с. 44].

Пленумом Верховного суда Российской Федерации определено: «Обман - это способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, который может состоять в сознательном сообщении

(представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на совершение обмана законного владельца имущества или другого уполномоченного им представителя» [24, с. 1].

Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям.

Если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа.

Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью установившихся доверительных, дружеских, любовных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например, служебным положением лица либо его особыми личными отношениями с потерпевшим.

«Злоупотребление доверием также может происходить в случаях принятия на себя лицом обязательств при том, что у него изначально отсутствует намерение, желание и стремление их исполнить и цели совершения преступления: присвоить лично или способствовать присвоению третьими лицами чужого имущества или получению права на него (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты за поставку товара, если оно заведомо не намеревалось

возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства)», – как следует из пункта 3 данного Постановления.

«В случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него.

О наличии такого умысла могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями договора, использование лицом при заключении договора поддельных документов, в том числе документов, удостоверяющих личность, уставных документов, гарантийных писем, справок, сокрытие лицом информации о наличии задолженностей и залогов имущества, распоряжение полученным имуществом в личных целях вопреки условиям договора и другие», - как видно из пункта 4 данного Постановления [24, с. 2].

Мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

Если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества.

Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных

денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамент) на векселе; со дня вступления в силу принятого уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения) (пункт 6 Постановления).

«Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, требует дополнительной квалификации по части 1 статьи 327 УК РФ», - гласит пункт 7 упомянутого Постановления.

Если лицо подделало официальный документ, однако по независящим от него обстоятельствам фактически не воспользовалось этим документом, содеянное следует квалифицировать по части 1 статьи 327 УК РФ.

Содеянное должно быть квалифицировано в соответствии с частью 1 статьи 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умыслом лица охватывалось использование подделанного документа для совершения преступлений, предусмотренных частями 3, 4, 6 или 7 статьи 59, частями 3 или 4 статьи 159.1, частями 3 или 4 статьи 159.2 УК РФ либо частями 3 или 4 статьи 159.5 УК РФ.

В том случае, когда лицо использовало изготовленный им самим поддельный документ в целях хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, однако по независящим от него обстоятельствам не смогло изъять имущество потерпевшего либо приобрести право на чужое имущество, содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 327 УК РФ, а также частью 3 статьи 30 УК РФ и, в зависимости от обстоятельств конкретного дела, соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за мошенничество.

Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по статье 327 УК РФ.

Неправомерное завладение денежными средствами, иным чужим имуществом или приобретение права на него, совершенное с использованием чужих личных или иных официальных документов (например, паспорта, пенсионного удостоверения, свидетельства о рождении ребенка) в зависимости от непосредственного объекта посягательства и иных обстоятельств дела должно быть квалифицировано в качестве мошенничества по статьям 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ.

Если виновным указанные документы были предварительно похищены, то его действия необходимо дополнительно квалифицировать по части 1 статьи 325 УК РФ (когда похищен официальный документ) либо по части 2 этой статьи (если похищен или неправомерно выбыл из владения иным способом паспорт или иной важный для потерпевшего лица личный документ), что следует из пункта 8 Постановления.

В случае, гражданин утратил свое законное право на жилое помещение из-за виновных действий мошеннического характера виновного лица, то

действия субъекта преступления надлежит квалифицировать по части 4 статьи 159 УК РФ.

Уголовная ответственность за совершение противоправных деяний в виде привлечения денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости при отсутствии признаков мошенничества наступает на основании требований статьи 200.3 УК РФ. Указанное преступление совершается только с прямым умыслом, направленным на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возникшим у лица до получения такого имущества или права на него. При этом не имеет значения, каким образом виновный планировал распорядиться или распорядился похищенным имуществом (например, использовал в личных целях или для осуществления хозяйственной деятельности) [21, с. 23].

Если виновным указанные документы были предварительно похищены, то его действия необходимо дополнительно квалифицировать по части 1 статьи 325 УК РФ (когда похищен официальный документ) либо по части 2 этой статьи (если похищен или неправомерно выбыл из владения иным способом паспорт или иной важный для потерпевшего лица личный документ), что следует из пункта 8 Постановления [24, с. 3].

В соответствии с требованиями статьи 200.3 УК РФ преступлением признаётся привлечение суммы денежных средств граждан для строительства в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости в крупном размере (превышающей 3000000 рублей) часть 1 статьи и те же деяния в особо крупном размере (превышающей 5000000 рублей) часть 2 статьи. Правом на привлечение денежных средств граждан для строительства (создания) многоквартирного дома с принятием на себя обязательств, после исполнения которых у гражданина возникает право собственности на жилое помещение в строящемся (создаваемом)

многоквартирном доме, обладают застройщиками, отвечающие требованиям, установленным частью 2 статьи 3 Закона № 214-ФЗ. Договор об участии в долевом строительстве заключается в письменной форме, подлежит государственной регистрации в органах, осуществляющих государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, на территории регистрационного округа по месту нахождения строящихся (создаваемых) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости, для строительства которых привлекаются денежные средства в соответствии с данным договором, и считается заключенным с момента такой регистрации (часть 3 статьи 4, статья 17 Закона № 214-ФЗ).

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Закона № 214-ФЗ застройщик вправе привлекать денежные средства участников долевого строительства для строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иных объектов недвижимости только после получения в установленном порядке разрешения на строительство, опубликования, размещения и (или) представления проектной декларации в соответствии с настоящим Федеральным законом и государственной регистрации застройщиком права собственности на земельный участок, предоставленный для строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иных объектов недвижимости, в состав которых будут входить объекты долевого строительства, либо договора аренды, договора субаренды такого земельного участка или в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О содействии развитию жилого строительства», либо подпунктом 15 пункта 2 статьи 39.10 Земельного кодекса РФ, договора безвозмездного пользования таким земельным участком. Согласно статье 2 Закона № 214-ФЗ объектом долевого строительства признается жилое или нежилое помещение, общее имущество в многоквартирном доме и (или) ином объекте недвижимости, подлежащие передаче участнику долевого строительства после получения разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и входящие в состав указанного многоквартирного дома и (или)

иного объекта недвижимости, строящихся (создаваемых) также с привлечением денежных средств участников долевого строительства [21, с. 23].

Для правильной квалификации данных действий и разграничения составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ и 200.3 УК РФ необходимо выяснять необходимость в привлечении денежных средств граждан для строительства, с какой целью заключались договора купли-продажи (долевого участия), внимательно изучать их содержание, а также выяснять, куда были направлены привлеченные денежные средства граждан – «дольщиков».

2.8 Проблемы квалификации уничтожения или повреждения имущества

Теоретические положения науки уголовного права изучают квалифицирующие признаки умышленного уничтожения или повреждения имущества.

Умышленное уничтожение или повреждение имущества А.М. Шарипов в кандидатской диссертации «Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России» «термины «уничтожение» и «повреждение» имущества применяются в нескольких значениях: как самостоятельное преступление; как способ совершения преступного деяния; как разновидность общественно опасного последствия посягательства». [46, с. 22].

Смежными с умышленными уничтожением или повреждением чужого имущества являются составы преступлений террористического акта, когда он сопряжен с умышленными уничтожением или повреждением чужого имущества (ст. 205 УК РФ), массовых беспорядков, повлекших уничтожение чужого имущества (ст. 212), вандализма, проявившегося в порче имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах (ст. 214), приведения в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 215), приведения в

негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов (ст. 215), незаконного обращения с ядерными материалами или радиоактивными веществами, состоящего в разрушении ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 220), уничтожения или повреждения памятников истории и культуры (ст. 243), надругательства над телами умерших и местами их захоронения, проявившегося в уничтожении или повреждении мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением (ст. 244), порчи земли (ст. 254), незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256), незаконной охоты (ст. 258), уничтожения критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (ст. 259), незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260), уничтожения или повреждения лесных насаждений (ст. 261), приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения, повлекшего по неосторожности причинение крупного ущерба, но на основании ст. 27 УК РФ являющегося в целом умышленным преступлением (ст. 267), нарушения правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, повлекшего уничтожение информации ЭВМ, причинившее существенный вред (ст. 274), диверсии, сопряженной с разрушением или повреждением предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения (ст. 281), противоправного изменения Государственной границы Российской Федерации, выразившегося в уничтожении пограничных знаков (ст. 323), похищения или повреждения документов, штампов, печатей либо похищения марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия, выразившихся в уничтожении или повреждении официальных документов, штампов или печатей (ст. 325), подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства, состоящих в уничтожении идентификационного номера, номера кузова, шасси или двигателя (ст. 326), умышленного уничтожения или повреждения военного имущества (ст. 346) и экоцида, состоящего в массовом

уничтожении растительного или животного мира (ст. 358 УК РФ) [47, с. 123-130].

Уголовно наказуемым уничтожением (повреждением) имущества, совершенным из хулиганских побуждений, понимаются умышленные действия (бездействие), направленные против чужой собственности и имущества, совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода (сердитый взгляд, саркастическая усмешка, неодобрительная реакция на поведение потерпевшего, даже молчаливое осуждение). При этом для правильного установления указанных побуждений при умышленном причинении виновным имущественного ущерба в ходе ссоры либо драки необходимо выяснять, кто явился их инициатором, не был ли конфликт спровоцирован для использования его в качестве повода к совершению противоправных действий. Если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а также в случае, когда поводом к конфликту послужило непорядочное поведение потерпевшего (нанесение им тяжкого оскорбления виновному лицу и прочее), то лицо не подлежит ответственности за совершение в отношении такого потерпевшего преступления из хулиганских побуждений.

Для обеспечения надлежащей квалификации преступлений также важно правильно отграничивать уничтожение или повреждение имущества, совершенное из хулиганских побуждений, от обыкновенного хулиганства без признаков иных составов преступлений.

Необходимо указать, что хулиганский мотив первый раз указан законодателем как признак состава преступления против собственности. Это обусловлено тем, что указанным выше федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ была отменена уголовная ответственность за преступление, проявляющееся в грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу, при этом сочетается с уничтожением или повреждением чужого имущества. Вместе с тем, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» была сформулирована в новой редакции ст. 20.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации «Мелкое хулиганство». По тексту последней редакции данной статьи: «Под мелким хулиганством следует понимать нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества» [9, с. 50].

Федеральным законом от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» часть первая статьи 213 «Хулиганство» УК РФ изложена в новой редакции.

После введения в действие новой редакции основания применения уголовной ответственности за совершение хулиганства были расширены.

«Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия», превратилось из обязательного признака основного состава преступления в альтернативный признак. В связи с этим ч. 1 ст. 213 УК дополнена еще таким признаком, как совершение хулиганства «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Частью первой статьи 213 УК РФ уголовно наказуемое хулиганство определяется как хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное:

– с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

– по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, наказывается обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет».

К хулиганскому мотиву, как пример, возможно привести мотив пренебречь интересами и моральными ценностями социума, проявление бесчинства, грубости и хамства (по принципу: «моя жизнь-мои правила»), когда деяние совершено без видимой причины (с объективной точки зрения здравого смысла), хотя виновный может считать, что с его субъективной точки зрения причина была значительная: обида от того, что «не так посмотрели», «агрессивным, неуважительным и вызывающим тоном ответили» и т.п.

В тех случаях, когда лицо, помимо умышленного уничтожения или повреждения имущества из хулиганских побуждений, совершает иные умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок, выражающие явное неуважение к обществу (например, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия в отношении физического лица), содеянное им надлежит квалифицировать по части 2 статьи 167 УК РФ и соответствующей части статьи 213 УК РФ.

При решении вопроса о том, причинен ли потерпевшему значительный ущерб, судам следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, его материального положения.

Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом, влечет уголовную ответственность по ч. 2 ст. 167 УК РФ, только в случае реального причинения потерпевшему значительного ущерба. Если в результате указанных действий предусмотренные законом последствия не наступили по причинам, не зависящим от воли виновного, то

содеянное при наличии у него прямого умысла на причинение значительного ущерба должно квалифицироваться как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества и обязаны квалифицироваться по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Законодатель принимает во внимание, что поджог очень часто случается в жизни общества. Это вызвано тем, что средства добывания огня (спички и другие) являются общедоступными для всех граждан любого возраста [12, с. 220].

Если при уничтожении или повреждении чужого имущества путем поджога или иным общепасным способом виновный предвидел и желал либо не желал, но сознательно допускал наступление таких последствий своего деяния, как смерть человека либо причинение вреда здоровью потерпевшего, содеянное представляет собой совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 167 УК и, в зависимости от умысла и наступивших последствий, п. «е» ч. 2 ст. 105 или п. «в» ч. 2 ст. 111 либо ст. ст. 112, 115 УК РФ.

Умышленное уничтожение (повреждение) имущества общепасным способом, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия, охватывается ч. 2 ст. 167 и не требует дополнительной квалификации по другим статьям Уголовного кодекса РФ.

Важное свойство умышленного уничтожения или повреждения имущества, повлекшего по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, состоит в том, что это преступление относится к преступным деяниям, имеющим две формы вины: умысел и неосторожность (ст. 27 УК) и признается совершенным с прямым или косвенным умыслом. Законодатель применяет юридическую конструкцию, в соответствии с которой возрастает уголовная ответственность за умышленное преступление, если оно по неосторожности причинило последствие, ставшее квалифицирующим обстоятельством. В таких случаях возможно параллельное существование двух разных форм вины в одном преступлении [47, с. 553].

При умышленном уничтожении или же повреждении чужого имущества, виновный к возможному появлению человеческих жертв или иным тяжким последствиям относится неосторожно, проявляя при этом преступную самонадеянность или преступную небрежность. В таких случаях действия (бездействие) виновного необходимо квалифицировать с учетом указанного в ч. 2 ст. 167 УК обстоятельства, если в результате преступления причинена по неосторожности смерть другому человеку либо наступили по неосторожности иные тяжкие последствия. Под последствием в виде наступления смерти человека, предусмотренным ч. 2 ст. 167 УК, понимается связанное с умышленным уничтожением или повреждением имущества причинение физического вреда другому лицу, повлекшего юридический факт: событие в виде наступления биологической смерти человека [46, с. 8].

Завершая изложение второй главы, представляется необходимым сформулировать следующие выводы.

Преступления против собственности, предусмотренные главой 21 УК РФ, подразделяются на две группы: хищения и преступления против собственности, не являющиеся хищениями.

К хищениям относятся кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой, хищение предметов, имеющих особую ценность.

К преступлениям против собственности, не являющимся хищениями, можно с полным правом отнести вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, неправомерное завладение (угон) транспортного средства, уничтожение или повреждение имущества (как умышленное, так и по неосторожности).

Преступления против собственности совершаются путем действий. Исключение составляют уничтожение и повреждение имущества (совершенные умышленно или по неосторожности). Эти преступления могут быть совершены и путем бездействия, если лицо не выполнило какие-либо обязанности по обслуживанию вверенного ему имущества. Однако в

большинстве случаев уничтожение и повреждение имущества совершаются путем действий.

Причинно-следственная связь в преступлениях против собственности должна быть не только между противоправным завладением имуществом и причинением ущерба, но и между насилием и вредом здоровью, если речь идет о таких преступлениях как разбой и вымогательство.

Субъект почти всех преступлений против собственности – общий. Уголовная ответственность за ряд преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, наступает с 14 лет (кража, грабеж, разбой, вымогательство, угон, квалифицированный состав умышленного уничтожения или повреждения имущества).

За другие преступления уголовная ответственность наступает с 16 лет (мошенничество, хищение предметов, имеющих особую ценность, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленное уничтожение или повреждение имущества без отягчающих обстоятельств, уничтожение или повреждение имущества по неосторожности). В двух случаях предусмотрен специальный субъект - мошенничество, а также присвоение или растрата с использованием своего служебного положения.

Смежные составы преступлений различаются между собой по одному или нескольким признакам. Каждому конкретному составу преступления соответствует несколько смежных с ним составов, знание которых имеет практическое значение для следователя, т.к. он при квалификации преступления как бы «примеряет» фактические обстоятельства к смежным составам, вычлняя из них тот, которому наиболее соответствуют фактические обстоятельства.

Например, смежными составами с кражей являются:

- мошенничество;
- присвоение и растрата;
- грабеж;

– хищение предметов, имеющих особую ценность; угон;
уничтожение или повреждение имущества;

– хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ;

– хищение либо вымогательство наркотических средств;

– незаконная порубка деревьев и некоторые другие.

С помощью знаний особенностей составов преступлений, смежных с кражей, имеется возможность способом сравнения диспозиций статей выделить один или два отличительных признака, которые помогут правильно квалифицировать то или иное деяние и обеспечить правильное применение норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства и надлежащее выполнение задач уголовного судопроизводства для обеспечения законности и правопорядка в обществе и содействия построению социального правового государства и развитого гражданского общества.

Глава 3 Предложения по решению проблем квалификации преступлений против собственности

3.1 Предложения по решению проблем квалификации кражи

Как уже упоминалось в параграфе 2.1 главы 2 исследования «Проблемы квалификации кражи», кража является преступлением с простым составом для квалификации. Тем не менее, при квалификации кражи в правоприменительной практике подчас можно встретиться со многими дискуссионными и проблемными нюансами.

В частности, частью первой статьи 35 УК РФ предусмотрено: «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений» [42, с. 11].

Часть 4 вышеуказанной статьи гласит, что преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены для совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, преследуя преступную цель: получение финансовой или иной материальной выгоды [42, с. 12].

В части первой статьи 35 УК РФ утверждается: «Преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно принимали участие два или более исполнителя без предварительного сговора» [42, с. 11]. Следовательно, фактически между соучастниками возникает взаимодействие именно в начале совершения преступления или же в процессе его совершения, если руководствоваться логическими закономерностями уголовного законодательства. В.П. Щербаков в статье «Проблемы и предложения по квалификации краж чужого имущества» полагает: «Каждое предложение о необходимости введения уголовной ответственности за

совершение того или иного деяния должно быть всесторонне и тщательно обосновано лицом, проявляющим законодательную инициативу внести изменения и дополнения в действующий уголовный закон» [48, с. 64].

В.П. Щербаков далее высказывает мнение, что закономерными предпосылками законотворческого процесса являются совокупность следующих факторов:

- кражи, особенно квалифицированные, имеют большую общественную опасность;
- это правонарушение широко распространено и имеет неблагоприятные тенденции к увеличению;

В.П. Щербаков вносит предложения для законодателя: «Пункт «а» части 2 статьи 158 УК РФ изложить в следующей редакции: «... а) группой лиц; ...». По его мнению: «Закрепленный в настоящее время квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», будет правильно и обоснованно перенести в ч. 3 ст. 158 УК РФ в качестве особо квалифицирующего, рассмотрев его в п. «а». В тексте уголовного закона он должен быть помещен вместо описанного в нынешней редакции признака «с незаконным проникновением в жилище». Таким образом, законодатель должен особо квалифицирующий признак «с незаконным проникновением в жилище» предусмотренный п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, поместить в п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ» [48, с.70].

Мне представляется правомерной точка зрения В.П. Щербакова о том, что необходимо внести соответствующие изменения и дополнения в п. «а» части первой статьи 104.1 УК РФ «Конфискация имущества»: нужно расширить перечень преступлений, содержащихся в данной статье, при совершении которых применяется конфискация имущества. В закрепленную в части первой статьи 104.1 УК РФ формулировку после слов: «... 153-155 (если преступления совершены из корыстных побуждений)», предлагается дополнить следующими словосочетаниями: «...Частями второй, третьей и четвертой ст. 158, частями второй, третьей и четвертой ст. 159, частями

второй, третьей и четвертой ст. 160, частями второй, третьей и четвертой ст. 161, частями второй, третьей и четвертой ст. 162, частью второй ст. 164...». Мне кажется правильным предположение, что конфискация имущества сыграет роль в уменьшении количества совершаемых организованных и корыстных общественно опасных деяний. Лица, виновные в совершении данных видов преступлений, должны нести повышенную уголовную ответственность – в виде неотвратимой конфискации денежных средств, материальных ценностей и иного имущества, добытых в результате совершения преступлений.

М.Ю. Дворецкий в статье «Направления законодательного совершенствования конфискации имущества как оптимального вида уголовной ответственности для эффективного противодействия отечественной и транснациональной организованной преступности и коррупции» высказывает следующую точку зрения: «В нашей стране довольно часто имеет место нестабильность, были попытки насильственно изменить конституционный строй, насильственным путём захватить или присвоить себе государственную власть, похищения людей, незаконное лишение свободы, терроризм, экстремизм, организация и деятельность незаконных вооруженных формирований, массовые беспорядки. Вместе с перечисленными преступлениями также часто совершаются противоправные посягательства на чужое имущество (кражи, грабежи, разбои, вымогательства в составе преступных сообществ) [5, с. 213]. Он правомерно отмечает: «В России, к нашему общему большому сожалению, происходят природные и техногенные чрезвычайные ситуации, серьёзно воздействующие на экологическую безопасность. Эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, повлекшие или могущие повлечь нанесение ущерба здоровью людей, месту жительства, их собственности, сопровождаются крупными значительными разрушениями и человеческими жертвами». Я разделяю точку зрения, что совершение тайного хищения чужого имущества при перечисленных обстоятельствах законодатель должен

причислить к категории особо тяжких преступлений, так как, в связи с совершением их в чрезвычайной ситуации, они более опасны для общества.

Поэтому представляется обоснованной точка зрения, что законодателю целесообразно расширить сферу уголовно- правовой защиты собственников или владельцев имущества: дополнить часть 4 статьи 158 УК РФ п. «г», предусматривающим особо квалифицирующий признак: «в условиях чрезвычайного положения». Принимая во внимание, что ответственность виновного в совершении преступления лица основывается только на действующем уголовном законе и является индивидуальной, то является обоснованным внести изменения и дополнения в ст. 158 УК, расширив за счет примечания 5 с поощрительной нормой. Также нужно предусмотреть основание освобождения от нее лица, совершившего неквалифицированную форму хищения чужого имущества.

Проблемными являются правильная квалификация преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, в частности, совершенных с безналичными денежными средствами.

Например, в практике встречаются случаи возвращения уголовных дел для дополнительного расследования в порядке ст. 237 УПК РФ, в связи с выявлением таких недостатков.

Так, органами предварительного следствия направлено уголовное дело по обвинению Шевченко и Селиверстова, которые, действуя группой лиц по предварительному сговору похитили денежные средства Потерпевшего №1 на общую сумму 7419 рублей 40 копеек, с банковского счета №<номер>, с использованием банковской карты банка ПАО «Сбербанк» №<номер>, утерянной Потерпевший №1 и найденной Шевченко, осуществляя расчеты с помощью этой банковской карты 09 октября 2020 года и 10 октября 2020 года бесконтактным способом в магазинах за приобретенные продовольственные товары, умалчивая при этом о том, что не являются держателями указанной банковской карты, обманывая таким образом работников торговых

организаций. Действия обвиняемых на предварительном расследовании квалифицированы по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ.

В постановлении о возвращении уголовного дела прокурору для организации производства дополнительного расследования суд указал, что Статьей 159.3 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием с использованием электронных средств платежа.

По смыслу уголовного закона хищение денежных средств, совершенное с использованием виновным электронного средства платежа, образует состав данного преступления в тех случаях, когда изъятие денег было осуществлено путем обмана или злоупотребления доверием их владельца или иного лица.

Как следует из описания преступного деяния, инкриминируемого подсудимым, оплата ими товаров в магазинах производилась бесконтактным способом. Работники торговых организаций не принимали участия в осуществлении операций по списанию денежных средств с банковского счета в результате оплаты товара. Сведений о том, что подсудимые сообщали сотрудникам торговых организаций какие – либо сведения о принадлежности банковской карты с целью введения их в заблуждение, в обвинительном заключении не содержится. При этом, действующими нормативными актами на уполномоченных работников торговых организаций, осуществляющих платежные операции с банковскими картами, обязанность идентификации держателя карты по документам, удостоверяющим его личность, не возлагается.

Изложенное свидетельствует о том, что обвинительное заключение содержит фактические данные, свидетельствующие о тайном характере действий подсудимых и соответственно с учетом способа хищения денежных средств потерпевшего, о необходимости квалификации из действий, как более тяжкого преступления.

Е.В. Слущина в статье «Проблемы квалификации кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ)» также анализирует данную проблему [38, с. 189].

Так Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что «не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации» [24, с. 1]. В этом случае содеянное необходимо квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Верховный Суд Российской Федерации отметил: «Действия лица следует квалифицировать по ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации только в том случае, если виновный совершил хищение с помощью сообщения другому лицу «заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на правомерных основаниях либо с помощью умолчания о незаконном владении им платежной картой» [35, с. 23].

Судебная практика по данным делам была противоречивой. Так, приговором Прокопьевского районного суда Кемеровской области от 28 марта 2019 года Б. осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ за то, что найденной на земле банковской картой он рассчитался за сделанные в магазине покупки на общую сумму 5410 рублей, приложив бесконтактную банковскую карту к считывающему устройству кассового терминала, похитив таким образом данные денежные средства потерпевшего. Однако с решением районного суда не согласился Кемеровский областной суд, который, приведя в обоснование своей правовой позиции п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», указал: «В связи с тем, что действия Б. связаны с оплатой товара банковской картой потерпевшего, путем умолчания о незаконном владении им платежной картой, то действия Б. необходимо

квалифицировать по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, как мошенничество с использованием электронных средств платежа» [19, с. 13-15].

Согласно разъяснений п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: «Похитить чужие средства можно и без применения карты, например, с помощью чужого «мобильного банка» или системы интернет-платежей, тайно или обманув владельца. Это кража, но, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети». Из анализа судебной практики рассмотрения судами Республики Алтай уголовных дел по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ следует, что действия лиц, которые оплачивали товары в торговых организациях найденными или похищенными банковскими картами, а также снимали денежные средства через банкоматы с банковских карт, которые им передали собственники, сообщив PIN-код, квалифицируются судами как кража чужого имущества, в случае, если представителями торговой организации не выяснялись сведения о принадлежности банковской карты и осужденные не сообщали ложные сведения о принадлежности им банковской карты. Суд делает вывод: «В случаях же, когда лица сообщали представителю торговой организации заведомо неправдивые сведения о принадлежности банковской карты, например, родственнику, их действия квалифицировались как мошенничество. Таким образом, отграничению таких смежных преступлений, как кража имущества с банковского счета и мошенничество с использованием электронных средств платежа, будет способствовать тщательный анализ объективной стороны совершенного преступления, так как: при краже действия виновного должны быть тайными, в то же время при совершении мошенничества преступник действует открыто, общаясь с потерпевшим или иным лицом; При краже потерпевший или иное лицо не принимает участия в изъятии похищаемого имущества, но при мошенничестве виновный посредством обмана понуждает другое лицо

передать похищаемое имущество или совершать действия, способствующие изъятию имущества» [24, с. 23]

Однако затем данная судебная практика изменилась

Конституционный Суд пояснил, что Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление от 29 июня 2021 г. № 22, которым устранил неопределенность в правоприменительной практике при разграничении составов кражи, совершенной с банковского счета, а также в отношении электронных денежных средств, и мошенничества с использованием электронных средств платежа [45, с. 150].

В соответствии с п. 5 Постановления № 22 Постановление Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» было дополнено пунктом, согласно которому: «Тайное изъятие денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств, например, если безналичные расчеты или снятие наличных денежных средств через банкомат были осуществлены с использованием чужой или поддельной платежной карты, нужно квалифицировать как кражу по признаку «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств». «По п. «г» ч. 3 ст. 158 УК квалифицируются действия лица и в том случае, когда оно тайно похитило денежные средства с банковского счета или электронные денежные средства, использовав необходимую для получения доступа к ним конфиденциальную информацию владельца денежных средств (например, персональные данные владельца, данные платежной карты, контрольную информацию, пароли)», - указал Конституционный Суд.

Одновременно с этим п. 6 Постановления № 29 исключено указание о том, что действия лица следует квалифицировать по ст. 159.3 УК в случаях, когда хищение имущества выполнялось с применением поддельной или принадлежащей другому лицу банковской карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных

основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой [23, с. 12].

Данную позицию я не в полной мере разделяю по следующим основаниям. В судебной практике встречались случаи, когда человек похищал (находил) чужую банковскую карту и расплачивался ей бесконтактным способом в магазине (то есть, не говоря продавцу о том, что карта ему не принадлежит, и тем самым он похищает денежные средства), его деяния квалифицировались по 159.3 УК РФ (преступление небольшой тяжести), а с прошлого года (июнь-август 2021), такие действия стали квалифицироваться по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (тяжкое преступление). Я полагаю, что это неправильно, поскольку в таких действиях (расплата чужой банковской картой без PIN-кода бесконтактным способом (лимит карты 1-3 тыс. руб.) менее общественной опасности, чем в случаях, когда преступник похитил всю информацию о банковской карте (логины, пароли и т.д.), либо похитил деньги через банкомат, что квалифицируется по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В первом случае он может распорядиться лишь суммой лимита, а во втором – снять с банковской карты все имеющиеся деньги и обратить их в свою собственность. Поэтому общественной опасности в случае похищения денежных средств путем бесконтактной оплаты в магазине чужой картой, меньше, чем в случаях похищения всех идентификационных данных карты. Таким образом, по-моему мнению, правильной была прежде существовавшая судебную практику, когда такие действия квалифицировали по 159.3 УК РФ.

Пленум раньше указывал, что умолчание от уполномоченного работника о принадлежности карты указывает на обман. Теперь же внесены изменения, которые абсолютно противоположны, необоснованно ухудшают положение виновного, а также привели к тому, что статья 159.3 УК РФ стала фактически недействующей. В результате нарушается принцип справедливости, изложенный в статье 6 УК РФ: «Наказания, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления,

всем обстоятельствам, при которых оно совершено, и, конечно же, личности виновного».

3.2 Предложения по решению проблем квалификации некоторых видов мошенничества

С каждым годом возрастает актуальность обеспечения экономической безопасности государства и ограждение ее от проблемы финансового мошенничества [38, с. 179].

Проблема мошенничества имеет сложный и многоаспектный характер. В данном параграфе речь пойдет о проблеме применения статьи 159.3 УК РФ. Эта проблема вытекает из недостаточной научной разработки элементов, включенных в состав преступления, а также из нехватки нормативного руководства и рекомендаций по их квалификации [11, с. 81].

Е.В. Завьялова в статье «Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ)» делает вывод, что так как возрастает популярность проведения электронных расчетов, то естественно, возрастает и число совершаемых преступлений, а конкретно: мошенничества с использованием электронных средств платежа [7, с. 219].

Стоит отметить, что для обеспечения надлежащей квалификации неправомерных деяний, законодателю стало важно отграничить мошенничество с применением электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) от простого мошенничества, регламентированного статьёй 159 УК РФ.

В российском уголовном кодексе статья предусматривающая ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа была введена впервые как законодательная новелла в ноябре 2012 года [43, с. 224]. В момент появления статьи называлась: «Мошенничество с использованием платежных карт», но в апреле 2018 года были внесены изменения, которые расширили сферу ее применения. В России под электронными средствами платежа (ЭСП), согласно п. 19 ст. 3 Федерального

закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе», понимается «средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с применением информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств» [46, с. 2]. Законодательством не утверждено, какие именно объекты можно отнести к электронным средствам платежа. Наиболее часто мошеннические действия, подпадающие под квалификацию по ст. 159.3 УК РФ, совершаются с применением банковских карт, при применении интернет-банкинга, электронных кошельков, а также и других популярных платежных сервисов.

Развитие информационных технологий в современном мире обуславливает их повсеместное проникновение во все сферы общественной жизни. К сожалению, этим пользуются не только добросовестные пользователи коммуникационных сетей, но злоумышленники, преследующие различные противоправные цели - личное обогащение, дискредитацию граждан и государственных органов, распространение нелегальной информации, идей терроризма и экстремизма. В Российской Федерации отмечается ежегодный рост преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. Правоохранительными органами на постоянной основе осуществляется работа по обеспечению законодательной защиты новых объектов посягательств в киберпространстве, появление которых обусловлено стремительным развитием информационных технологий. Однако далеко не всегда кибер-преступления совершаются с использованием специальных познаний. Следует признать, что большинство преступлений в рассматриваемой сфере совершается с использованием методов «социальной инженерии», то есть несанкционированного доступа к информации или системам хранения информации без использования технических средств.

Технология основана на использовании слабостей человеческого фактора и, к сожалению, является достаточно эффективной. Злоумышленник получает информацию, например, путем сбора информации о объекте атаки, с помощью обычного телефонного звонка или путем проникновения в организацию под видом ее служащего. Преступник также может позвонить человеку, являющемуся пользователем кредитной карты (под видом сотрудника службы поддержки или службы безопасности банка), и выведать пароль, сославшись на необходимость решения небольшой проблемы в компьютерной системе или с банковском счетом, зачастую дезинформируя о его блокировке. И очень часто этот трюк срабатывает. Наиболее сложные уголовные дела обычно связаны с крупными преступными группами, которые занимаются целевыми атаками, кражами денег через интернет-банк или мобильные приложения финансовых организаций. Преступники в этих случаях уделяют большое внимание тому, как скрыть свою личность — используют несколько цепочек серверов для доступа к ресурсам, применяют шифрование, постоянно переписывают программы для атак. К сожалению, зачастую по единственному инциденту установить злоумышленников в этом случае не удастся. Только по нескольким эпизодам набирается материал, с которым можно работать, но даже тогда процесс поиска может затянуться. Длительное время, учитывая специфику киберпреступлений, обычно требуется, и чтобы собрать доказательную базу. Другую сложность представляет то, что в таких преступных группах роли четко распределены и дробятся, поэтому преступление от начала до конца совершается разными людьми. Лидер группы нанимает исполнителей определенных задач: настроить сервер, написать и распространить вредоносную программу, обеспечить защиту вредоносного софта от антивирусов и брандмауэров.

А.П. Перетолчин в автореферате кандидатской диссертации «Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа» отмечает: «Проблемным вопросом является правильная квалификация преступных действий лица в случае использования одного

электронного средства платежа разными способами при совершении нескольких деяний, связанных с хищением чужих денежных средств – многоуровневые операции со сложной структурой. Эти операции вызывают у правоохранителей и судей сложности во время квалификации таких эпизодов. В качестве примера он приводит использование злоумышленником одной платежной карты посредством функций интернет-банкинга и платежного терминала, приобретение товаров и услуг путем безналичного расчета в магазинах, перевод средств на другой счет с помощью специализированного программного обеспечения. При такой комбинации одновременно имеет место тайное хищение чужого имущества и мошенничество с использованием электронных средств платежа. С точки зрения законодательства эти деяния не являются тождественными, однако они объединены единством умысла. Такое расхождение обуславливает сложности квалификации» [20, с. 15].

Мне представляется вполне правомерной точка зрения автора указанной диссертации А.П. Перетолчина: «Сегодня как никогда актуальна существенная необходимость в обновленном разъяснении теоретических и практических вопросов применения указанных уголовно-правовых норм, в том числе и в аспекте применения электронных средств платежей для облегчения совершения корыстных преступлений» [20, с. 15].

3.3 Предложения по решению проблем квалификации преступлений против собственности, совершенных в отношении «обманутых дольщиков»

Статья 40 Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища.

Органы государственной власти и органы местного самоуправления всемерно развивают и поощряют жилищное строительство, создают надлежащие условия для осуществления гражданами их конституционного права на жилище» [10, с. 21].

Правовой режим долевого строительства, в том числе и участие граждан в долевом строительстве регламентируется Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее Закон об участии в долевом строительстве или ФЗ № 214) [44, с. 1].

Согласно ч.1 ст.1 Федерального закона Российской Федерации от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», он регулирует отношения, связанные с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (далее - участники долевого строительства), для возмещения затрат на такое строительство и возникновением у участников долевого строительства права собственности на объекты долевого строительства и права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме и (или) ином объекте недвижимости, а также устанавливает гарантии защиты прав, законных интересов и имущества участников долевого строительства.

В Обзоре практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04 декабря 2013 года, указывалось на то, что при рассмотрении дел по спорам, возникающим из правоотношений, основанных на сделках, связанных с передачей гражданами денежных средств и (или) иного имущества в целях строительства многоквартирного дома (иного объекта недвижимости) и последующей передачей жилого помещения в таком многоквартирном доме (ином объекте недвижимости) в собственность, но совершенных в нарушение требований Федерального закона Российской Федерации от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом

строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», независимо от наименования заключенного сторонами договора следует исходить из существа сделки и фактически сложившихся отношений сторон.

В таких случаях, если установлено, что сторонами при совершении сделки, не отвечающей указанным требованиям, действительно имелся в виду договор участия в долевом строительстве, к сделке применяются положения Федерального закона Российской Федерации от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», в том числе меры ответственности, им предусмотренные.

К отношениям, вытекающим из таких договоров, заключенных гражданами - участниками долевого строительства исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяется законодательство Российской Федерации о защите прав потребителей в части, не урегулированной названным Федеральным законом.

Аналогичный подход обозначен в пункте 1 Обзора судебной практики разрешения дел по спорам, возникающим в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 июля 2017 года.

В вышеназванном Обзоре со ссылкой на результаты изучения судебной практики было обращено внимание на то, что привлечение денежных средств граждан для строительства осуществляется посредством сделок, совершаемых без учета требований названного Федерального закона: заключения договоров купли-продажи жилого помещения в объекте строительства; заключения предварительных договоров участия в долевом строительстве; заключения

предварительных договоров купли-продажи жилого помещения в объекте строительства; заключения договоров займа, обязательства по которому в части возврата суммы займа прекращаются с передачей жилого помещения в многоквартирном доме (ином объекте недвижимости) после завершения его строительства в собственность; внесения денежных средств и (или) иного имущества в качестве вклада в складочный капитал товарищества на вере (коммандитного товарищества) с последующей передачей жилого помещения в многоквартирном доме (ином объекте недвижимости) после завершения его строительства в собственность; заключения договоров простого товарищества в целях осуществления строительства многоквартирного дома (иного объекта недвижимости) с последующей передачей жилого помещения в таком многоквартирном доме (ином объекте недвижимости) в собственность; выдачи векселя для последующей оплаты им жилого помещения в многоквартирном доме (ином объекте недвижимости); заключения договоров инвестирования строительства; заключения иных договоров, связанных с передачей гражданином денежных средств и (или) иного имущества в целях строительства многоквартирного дома (иного объекта недвижимости) и последующей передачей жилого помещения в таком многоквартирном доме (ином объекте недвижимости) в собственность.

С учетом изложенного, факт оформления отношений с гражданами по привлечению их денежных средств для финансирования строительства путем заключения договора, не обозначенного как договор участия в долевом строительстве (например, предварительного договора купли-продажи, предусматривающего внесение гражданином застройщику денежной суммы в размере стоимости приобретаемого объекта) не препятствует иной квалификации данных отношений и применения к ним положений Федерального закона Российской Федерации от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 4 Закона № 214-ФЗ договор участия в долевом строительстве должен содержать ... срок передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику долевого строительства.

Согласно ч. 5 ст. 4 Федерального закона № 214-ФЗ при отсутствии в договоре условий, предусмотренных частью 4 настоящей статьи, такой договор считается незаключенным.

Из приведенных положений закона следует, что договор участия в долевом строительстве должен содержать условие о сроке передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику этого строительства, то есть это условие является существенным для такого договора.

В каждом конкретном случае квалификации деяний по ст. 159 УК РФ и ст. 200.3 УК РФ необходимо анализировать договоры, выяснив, согласовано ли сторонами существенное условие договора долевого участия, а именно условие о сроке передачи объекта строительства; содержат ли договора все условия, необходимые для квалификации его как договора о долевом участии условий, предусмотренных Законом об участии в долевом строительстве, регулируются ли сложившиеся правоотношения Законом об участии в долевом строительстве.

В противном случае деяния, содержащие признаки хищения денежных средств граждан – участников долевого строительства, в силу указанных выше обстоятельств, могут не являться преступлением.

Например, в силу пункта 1 статьи 429 ГК РФ, по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором.

По своей правовой природе предварительный договор представляет собой организационный договор, цель которого - организация заключения какого-либо договора в будущем. Прибегают к предварительному договору обычно в тех случаях, когда стороны будущего основного договора

договорились обо всех существенных условиях будущего договора, но имеются препятствия к его заключению (например, покупатель еще не располагает всеми необходимыми средствами для уплаты цены, продавец еще не имеет всех документов, необходимых для оформления договора и т.д.).

Согласно положениям ст. ст. 309, 310 Гражданского кодекса Российской Федерации обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями заключенного договора и требованиям закона, а также иных правовых актов. Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются.

В силу ст. 431 Гражданского кодекса Российской Федерации при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в указанной статье, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон.

Если сторонами заключен договор, поименованный ими как предварительный, в соответствии с которым они обязуются заключить в будущем на предусмотренных им условиях основной договор о продаже недвижимого имущества, которое будет создано или приобретено в последующем, но при этом предварительный договор устанавливает обязанность приобретателя имущества до заключения основного договора уплатить цену недвижимого имущества или существенную ее часть, данный договор должен быть квалифицирован как договор купли-продажи будущей недвижимой вещи с условием о предварительной оплате.

В таких случаях не будет иметь подтверждения факт того, что денежные средства внесены в качестве участия в долевом строительстве объекта недвижимого имущества, то есть приведенные условия предварительных договоров относительно оплаты цены недвижимости будут сформулированы предельно ясно и не будут давать возможности их иного толкования.

Признаков анализируемого преступления в рассматриваемом случае не будет, поскольку договора купли-продажи будут соответствовать указанным положениям закона и не будет свидетельств о том, что при его заключении стороны подразумевали возникновение каких-либо иных отношений, чем установлены договором, в том числе отношений по договору участия в долевом строительстве.

Такие договоры не будут признаваться договорами участия в долевом строительстве, а возникшие отношения будут иметь гражданско-правовой характер, что делает невозможным квалификацию действий по ст. 200.3 УК РФ, а также по ст. 159 УК РФ.

При надлежащем выполнении обязательств по заключенным договорам застройщиками являются компании, которые строят многоквартирные дома по договорам долевого участия и всецело отвечают требованиям, предъявляемым ФЗ № 214:

В частности, застройщик, или его основное общество (материнская компания), или любое из дочерних обществ должны отвечать трем требованиям:

– застройщик - хозяйственное общество: которое или основное общество которого либо любое из дочерних хозяйственных обществ основного общества имеет опыт (не менее трех лет) участия в строительстве (создании) многоквартирных домов общей площадью не менее пяти тысяч квадратных метров в совокупности, при наличии полученных в порядке, установленном законодательством о градостроительной деятельности, разрешений на ввод в эксплуатацию таких многоквартирных домов в качестве застройщика, и (или) технического заказчика, и (или) генерального

подрядчика в соответствии с договором строительного подряда;

– которое имеет в собственности или на праве аренды, на праве субаренды либо в предусмотренных Федеральным законом от 24 июля 2008 года № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства» (далее - Федеральный закон «О содействии развитию жилищного строительства»), подпунктом 15 пункта 2 статьи 39.10 Земельного кодекса Российской Федерации случаях на праве безвозмездного пользования земельный участок и привлекает денежные средства участников долевого строительства в соответствии с настоящим Федеральным законом для строительства (создания) на этом земельном участке многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, за исключением объектов производственного назначения, на основании полученного разрешения на строительство; наименование которого содержит слова «специализированный застройщик» [44, с. 4].

Ч. 1 ст. 6 Закона об участии в долевом строительстве предусмотрено, что застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства не позднее срока, предусмотренного условиями договора, и должен быть единым для всех участников долевого строительства, которым застройщик обязан передать объекты долевого строительства, входящие в состав многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости или в состав блока-секции многоквартирного дома, имеющей отдельный подъезд с выходом на территорию общего пользования.

К отношениям, связанным с передачей объекта долевого строительства участнику долевого строительства по договору только для себя и своей семьи, а не для ведения хозяйственной деятельности с целью получения прибыли, применяются положения ФЗ-214, с характерными особенностями, предусмотренными Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 марта 2022 г. № 442 «Об установлении особенностей передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства» - (далее - Постановление Правительства РФ от 23.03.2022 № 442 [26, с. 1].

В то же время, подпункт «а» пункта 1 Постановления Правительства РФ от 23.03.2022 № 442 «Об установлении особенностей передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства», действующего с момента подписания и до конца календарного 2022 года включительно, гласит: «Срок передачи объекта долевого строительства застройщиком и принятия его участником долевого строительства по соглашению сторон может быть изменен отдельно от других объектов долевого строительства, входящих в состав того же многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости, но не раньше чем после того, как получено разрешение на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости в соответствии с действующим законодательством, без внесения изменений в проектную декларацию» [26, с. 1].

В случае нарушения предусмотренного договором срока передачи доли участнику долевого строительства это приводит должника в категорию пострадавших и застройщик обязан уплатить гражданину - участнику неустойку (пени) в двойном размере от одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки (ч. 2 ст. 6 ФЗ № 214) [44, с. 7].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.03.2022 № 479 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в реестр проблемных объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на шесть месяцев превышены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по

зарегистрированному договору участия в долевом строительстве» предусмотрено, что со дня вступления постановления в силу и до 31 декабря 2022 года включительно не начисляется неустойка в случае нарушения срока внесения платежа участником долевого строительства в соответствии с частью 6 статьи 5 и частью 2 статьи 6 Федерального закона 214-ФЗ; при определении размера убытков, предусмотренных статьей 10 Федерального закона 214-ФЗ, не учитываются убытки, причиненные в указанный период; не начисляются проценты, подлежащие уплате стороне по договору в случае расторжения договора в соответствии с частями 2 и 6 статьи 9 Федерального закона 214-ФЗ [45, с. 1-3].

По уже предъявленным требованиям применения финансовых санкций к застройщику предоставляется отсрочка до завершения календарного 2022 года включительно [28, с. 3]. Несомненно, данное Постановление направлено на защиту имущественных прав не дольщиков, а застройщиков, что противоречит принципу равенства участников гражданских правоотношений, закрепленному в статье 1 Гражданского кодекса РФ «Основные начала гражданского законодательства» [4, с. 1].

С учетом непростой экономической ситуации я думаю, что для обеспечения принципа равенства сторон в гражданском праве целесообразнее было бы сохранить взыскание штрафных санкций, но в значительной степени уменьшить их размер. В таком случае сохранилась бы ответственность застройщиков перед дольщиками, в то же время уменьшились бы убытки, понесенные застройщиками в связи с неблагоприятной экономической ситуацией в стране.

Л.Г. Валыка в статье «Ответственность застройщика и защита прав дольщика по договору участия в долевом строительстве в свете изменений законодательства» считает, что анализ судебной практики позволяет назвать среди самых распространенных нарушений условий договора участия в долевом строительстве со стороны застройщика [2, с. 233].

Имеется позитивная судебная практика по гражданским делам –

обеспечение судебной защиты законных прав и интересов дольщиков.

Так, Е.Н. Ткаченко с учетом уточненных требований обратилась в суд с иском к обществу ограниченной ответственностью «Инвестиционно-строительная компания «Вира-Строй» (далее - ООО «ИСК «Вира-Строй») о защите прав потребителя, в котором просила взыскать убытки в размере 262319 руб., компенсацию морального вреда в размере 5000 руб., штраф за несоблюдение в добровольном порядке требований потребителя в размере 133659 руб. 50 коп., расходы на проведение досудебного исследования в размере 20000 руб., ссылаясь на то, что 28 сентября 2016 г. заключила с ООО «ИСК «Вира-Строй» договор участия в долевом строительстве, по условиям которого застройщик обязался построить многоквартирный дом по адресу: г. <...> (ввод объекта в эксплуатацию - I квартал 2017 года), и после получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию в течение 6 месяцев передать истцу двухкомнатную квартиру <...> общей площадью 58,95 кв. м. Указанная квартира по акту приема-передачи передана истцу 30 октября 2017 г. После приемки квартиры в ней обнаружены строительные недостатки. С целью их подтверждения истец заключила договор на оказание услуг по проведению строительно-технической экспертизы с ООО «ПрофОценка». В соответствии с результатами исследования стоимость устранения строительных недостатков составляет 262319 руб.

Решением Индустриального районного суда г. Барнаула от 24 июля 2018 г. исковые требования Е.Н. Ткаченко удовлетворены частично, в ее пользу с ООО «ИСК «Вира-Строй» взысканы денежные средства в размере 262 319 руб. для устранения недостатков, компенсация морального вреда в размере 3000 руб., штраф в размере 70000 руб., расходы на проведение досудебного исследования в размере 20000 руб., расходы на оплату услуг представителя в размере 19000 руб. В удовлетворении остальной части исковых требований истцу было отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Алтайского краевого суда от 16 октября 2018 г. решение суда первой

инстанции отменено в части взыскания с ООО «ИСК «Вира-Строй» штрафа в размере 70000 руб., в этой части принято новое решение, которым Е.Н. Ткаченко в удовлетворении требований отказано, резолютивная часть решения суда изложена в новой редакции: «Взыскать с ООО «ИСК «Вира-Строй» в пользу Ткаченко Е.Н. сумму для устранения недостатков в размере 262319 руб., компенсацию морального вреда в размере 3000 руб., расходы на проведение досудебного исследования - 20000 руб., расходы на оплату услуг представителя - 22000 руб. В удовлетворении остальной части исковых требований отказать».

В кассационной жалобе Е.Н. Ткаченко ставит вопрос о передаче жалобы с делом для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации для отмены апелляционного определения суда апелляционной инстанции.

Проверив материалы дела, обсудив обоснованность доводов кассационной жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит жалобу подлежащей удовлетворению, поскольку имеются основания для частичной отмены апелляционного определения суда апелляционной инстанции в кассационном порядке.

Верховный Суд подчеркнул: «Никаких досудебных претензий дольщик подавать не должен. Такая обязанность не предусмотрена ни в законе об участии в долевом строительстве, ни в законе о защите прав потребителей».

Определением Верховного Суда РФ по делу № 51-КГ19-4 от 23 июля 2019 года дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Другое дело: Л.С. Польшакова обратилась в суд с иском к ООО «Декор» о взыскании произведенных затрат на устранение строительных недостатков объекта недвижимости в размере 167700 рублей, неустойки в размере 106830 рублей, компенсации морального вреда в размере 10000 рублей, штрафа в размере 50% от взысканной суммы, расходов на оплату юридических услуг в размере 30000 рублей.

В обоснование иска указала, что по договору участия в долевом строительстве от 21 августа 2014 г. № УС-04/227, п заключенному между ООО «АМ Констракшн» и ООО «Декор», ответчик обязывался передать истцу в установленный договором срок двухкомнатную квартиру <...>, расположенную по адресу: <...>. По утверждению истицы, во время осмотра данной квартиры 14 января 2018 г. ею были выявлены существенные недостатки и явные дефекты строительства. Для их устранения 21 февраля 2018 г. истец направлял в адрес ООО «Декор» претензию, которую ответчик оставил без удовлетворения. Акт о недостатках не был подписан, в связи с тем, что застройщик покинул объект. Суды поддержали такой подход. Они признали, что у покупателя квартиры действительно имеется возможность потребовать устранения недостатков жилья в течение шестимесячного гарантийного срока, но для того, чтобы этот срок начал течь, нужно как минимум подписать акт приема-передачи. В иске дольщице отказали, апелляционный суд оставил в силе данное решение.

Но Верховный Суд придерживался иного мнения. Он напомнил, что у участника долевого строительства есть право потребовать от застройщика составления акта о недостатках объекта долевого строительства. Дольщик может отказаться от подписания передаточного акта до тех пор, пока застройщик не исполнит предусмотренные в ч. 2 ст. 7 Закона о долевом строительстве обязанности, то есть пока не устранит недостатки сам, не возместит расходы на их самостоятельное устранение дольщиком или уменьшит стоимость договора.

Так как застройщик уклонился от подписания акта о недостатках, то суды не могли отказать дольщику в иске из-за отсутствия подписи на акте приема-передачи.

Определением Верховного Суда РФ от 29 октября 2019 года по делу № 5-КГ19-180, руководствуясь требованиями статей 390.14, 390.16 ГПК РФ, решение Симоновского районного суда г. Москвы от 17 июля 2018 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам

Московского городского суда от 20 ноября 2018 г. отменены, дело было направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи с существенными нарушениями судами первой и апелляционной инстанций норм материального и процессуального права, которые нельзя было устранить в ходе кассационного производства [3, с. 12-15].

При этом, некоторые нарушения имеют не только гражданско-правовую природу (например, передача объекта строительства дольщику с существенными недоделками) и разрешаются способами и мерами гражданско-правовой ответственности, но и административную (нарушение правил согласования проектной документации, получения разрешения на строительство и другие административные правонарушения, предусмотренные ст.ст. 9.5.1, ст. 14.9.1, ст. 14.28 и др. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях – далее - КоАП РФ [9, с. 120]), и даже уголовную (продажа одной и той же квартиры двум и более разным дольщикам подпадает под состав мошенничества, предусмотренного ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации - далее УК РФ [39, с. 120]).

Дела, связанные с «дольщиками», всегда имеют большой общественный резонанс и негативную реакцию в обществе.

Ярким примером, демонстрирующим явное несоответствие реакции государства ожиданиям общества, является громкое дело Сергея Полонского. Так, на сайте Мосгорсуда по материалам Пресненского районного суда г. Москвы представлена следующая информация: «На основании приговора суда Сергей Полонский признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 159.4 УК РФ (мошенничество в сфере предпринимательской деятельности с причинением ущерба в особо крупном размере), и ему назначено наказание за каждое преступление в виде 3 (трех) лет лишения свободы без ограничения свободы. По совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний суд окончательно назначил Полонскому наказание в виде лишения свободы сроком на 5 (пять) лет без ограничения свободы с отбыванием наказания в

исправительной колонии общего режима» [32, с. 2].

Однако преступников суд освободил от назначенного наказания в силу п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, поскольку данные преступления отнесены к преступлениям средней тяжести и срок давности уголовного преследования, на момент вынесения приговора, истёк.

С целью исправления этой ситуации, в которой виновные лица необоснованно избегают уголовной ответственности, Федеральным законом от 01.05.2016 № 139-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьей 200.3 «Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости».

Н.В. Соколова в статье «Некоторые особенности законодательной конструкции диспозиции статьи 200.3 Уголовного кодекса Российской Федерации» делает акцент: «Необходимо понять, о какой именно сумме ущерба идет речь: об общей сумме всех привлеченных для строительства денежных средств граждан или о цене конкретного договора долевого участия. Если законодатель подразумевает стоимость одного конкретного договора, то он может составлять и меньше трех миллионов рублей. В этом случае в отношении одно-, двух- и трехкомнатных квартир в небольших городах, например, Нижегородской области, стоимость которых составляет от 1 до 2,5 миллионов рублей, будут отсутствовать основания для привлечения к уголовной ответственности по ст. 200.3 УК РФ» [39, с. 125].

Также А.А. Князьков в статье «Освобождение от уголовной ответственности по статье 200.3 УК РФ полагает: «Оценка законодательной конструкции и правоприменительные перспективы» также отмечает, что и относится ли возмещение исключительно к незаконно привлеченным либо ко всем привлеченным средствам граждан, а также порядок возмещения средств участнику долевого строительства. Также примечание 2 не содержит оговорки относительно того, что в содеянном отсутствуют признаки состава иного

преступления и только при наличии подобного условия лицо освобождается от уголовной ответственности. По мнению автора статьи, которое я разделяю, указанные недостатки должны быть исправлены либо на уровне законов, либо в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [8, с. 65].

В завершение третьей главы считаю необходимым сделать следующие выводы.

Кража как способ тайного хищения имущества, на первый взгляд, является преступлением с простым составом, элементы которого довольно легко выделяются. Вместе с тем, при квалификации кражи нередко возникают «белые пятна» - проблемы отграничения кражи и находки, проблемы отграничения кражи от смежных с ней составов преступлений.

Также на первый план вышла обновить разъяснения правоприменительных вопросов относительно правильной квалификации преступлений в сфере ИТТ преступлений, в частности, совершенных с использованием электронных средств платежей.

Считаю правомерным для защиты интересов «дольщиков» внести изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 26.03.2022 № 479: сохранить взыскание неустойки (штрафа, пени) для застройщиков, не своевременно исполнивших обязательства перед дольщиками, с учетом степени вины застройщика в невыполнении обязательств.

Таким образом, для эффективного применения законодательства необходимо разработать надлежащие рекомендации Пленума Верховного Суда, вносить соответствующие изменения в статьи Уголовного кодекса РФ, чтобы обеспечить правильное и единообразное применение закона всеми судами Российской Федерации, избежать несогласованности при осуществлении правоприменительной практики и судебных ошибок.

Заключение

Проведенное в данной выпускной квалификационной работе магистра исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

В юридической науке в большем объеме разрабатываются и совершенствуются классификации преступлений против собственности. Все преступления, входящие в главу 21 Уголовного кодекса Российской Федерации, объединяет единый объект – собственность.

Аспекты, связанные с преступлениями против собственности, являются особенно значимыми в связи с тем, что эти преступления совершаются очень часто, физические и юридические лица несут значительные имущественные потери и, естественно, часто применяются уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за совершение преступлений, посягающих на собственность.

Как показало исследование, проведенное в предыдущей главе данной выпускной квалификационной работы магистра, существует целый ряд проблемных вопросов квалификации преступлений против собственности, требующих совершенствования законодательства в данной сфере:

- при квалификации кражи, несмотря на её кажущуюся простоту, особенно актуально разграничить понятие «кражи» от понятия «находка», сформулировав четкое определение «находки» в статьях 158 УК РФ и 227 ГК РФ;

- внести соответствующие изменения и дополнения в п. «а» части первой статьи 104.1 УК РФ «Конфискация имущества»: расширить перечень преступлений, содержащихся в данной статье, при совершении которых применяется конфискация имущества. В закрепленную в части первой статьи 104.1 УК РФ формулировку после слов: «... 153-155 (если преступления совершены из корыстных побуждений)», предлагается ввести конфискацию имущества за совершение преступлений, предусмотренных: «... Частями второй, третьей и четвертой ст. 158, частями второй, третьей и четвертой

ст. 159, частями второй, третьей и четвертой ст. 160, частями второй, третьей и четвертой ст. 161, частями второй, третьей и четвертой ст. 162, частью второй ст. 164...». Считаю, что данная законодательная новелла будет способствовать профилактике совершения корыстных преступлений;

– необходимо принятие новых бланкетных нормативно-правовых актов в экономической сфере в виде кодифицированных актов, содержащих толкование теоретических и практических дискуссионных проблем применения уголовно-правовых норм, в том числе в аспекте их применения для квалификации преступлений в сфере электронных средств платежей;

– необходимо обеспечить всестороннюю защиту участников долевого строительства: как застройщиков, так и «дольщиков». Конечно, в связи со сложной и нестабильной политической и экономической ситуацией выполнение обязательств перед «дольщиками» со стороны застройщиков в ряде случаев не может завершиться в сроки, предусмотренные в договоре на долевое строительство, но все же необходимо принять дополнительные Постановления Правительства Российской Федерации о защите законных прав и интересов «дольщиков» в сфере долевого жилищного строительства, чтобы ни одно из виновных лиц не смогло уйти от законного возмездия.

– выполнение данных рекомендаций будет способствовать решению проблем надлежащей квалификации преступлений против собственности и, следовательно, сыграет неоценимую роль в построении правового государства и развитого гражданского общества в нашей стране.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Архипов С.И. Собственность как правовой феномен // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 12.
2. Валька Л. Г. Ответственность застройщика и защита прав дольщика по договору участия в долевом строительстве в свете изменений законодательства // Молодой ученый. 2016. № 19 (123). С. 233-236.
3. Вараксин М. Дольщик против застройщика: практика для победы в суде. //Право и практика. 2020. [Электронный ресурс]. // URL: <https://pravo.ru/story/217552>.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Дворецкий М.Ю. Направления законодательного совершенствования конфискации имущества как оптимального вида уголовной ответственности в контексте эффективного противодействия отечественной и транснациональной организованной преступности и коррупции // Вестник ТГУ. 2009. № 2 (70). С. 213-215.
6. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за декабрь 2021 г. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. // URL: <https://crimestat.ru/analytics/> (дата обращения: 05.05.2022).
7. Завьялова Е.В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 219-222.
8. Князьков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по ст. 200.3 Уголовного кодекса РФ: оценка законодательной конструкции и правоприменительные перспективы // Теология. Философия. Право. 2019. № 3 (11). С. 65-73.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

10. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

11. Корда Н.И. Мошенничество как угроза экономической безопасности страны // Молодой ученый. 2021. № 46 (388). С. 81-83.

12. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. в 4 т. Особенная часть. Разделы VII-VIII (постатейный) (том 2). М. : Юрайт. 2017. 450 с.

13. Москвина М.А. Сложные вопросы отграничения вымогательства от смежных составов преступлений // Молодой ученый. 2019. № 42. С. 100-102.

14. Надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.10.2012 № 38-Д12-21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 5. С. 98-100.

15. Никитина О.А., Жирова М.Ю. Проблемы отграничения кражи от находки и пути их решения // Юридический факт. 2022. № 176. С. 28-32.

16. Никифоров Б.С. Примерный уголовный кодекс (США). М. : Прогресс, 1969. 260 с.

17. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 1986. 797 с.

18. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2006 г. по делу № 48-О06-33 // СПС Консультант Плюс.

19. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 мая 2009 г. по уголовному делу № 56-О09-4. // СПС Консультант Плюс.

20. Перетолчин А.П. Уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Дальневосточный федеральный университет. Владивосток. 2022. 31 с.

21. Петрашов В.Н. Уголовное право России. Особенная часть. М. : Приор.: Эксперт. Бюро. 1999. 607 с.

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 1988 г. № 4 (ред. от 10.10.2001) «О некоторых вопросах рассмотрения судами в порядке гражданского судопроизводства жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 4. Ст. 7.

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 4. Ст. 8.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 24. Ст. 10.

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 7. Ст. 12.

26. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2007 г № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4894.

27. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.03.2022 № 442 «Об установлении особенностей передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства» //Собрание законодательства РФ. 2022. № 13. Ст. 2103.

28. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.03.2022 № 479 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в реестр проблемных

объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на 6 месяцев нарушены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 14. Ст. 2263.

29. Постановление Президиума Волгоградского облсуда от 20.07.2001 по делу Риделя // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 3.

30. Приговор Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 10 марта 2015 г. по делу № 1-43/2015. // СПС Консультант Плюс.

31. Приговор Ленинского районного суда г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края от 07 августа 2015 г. по делу № 1-234/2015. // СПС Консультант Плюс.

32. Приговор в отношении Сергея Полонского, Александра Паперно, Алексея Пронякина от 17 июля 2017 года. // СПС Консультант Плюс.

33. Приговор Подольского городского Московской области от 20 октября 2020 г. по делу № 1-505/2020. // СПС Консультант Плюс.

34. Приговор Московского районного суда г. Чебоксары от 22 февраля 2017 г. по делу № 1-47/2017. // СПС Консультант Плюс.

35. Приговор по делу № 1-691/2015 год // Архив решений судов первой инстанции Российской Федерации. // СПС Консультант Плюс.

36. Севрюков А.П. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика грабежей и разбоев, совершенных с незаконным проникновением в жилище: дис ... канд. юрид. наук. М. 2000. 198 с.

37. Скобина Е.А. Некоторые проблемы квалификации кражи // Молодой ученый. 2018. № 21. С. 62-68.

38. Слукина Е.В. Проблемы квалификации кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при

отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ) // Молодой ученый. 2019. № 52 (290). С. 179-181.

39. Соколова Н.В. Некоторые особенности законодательной конструкции диспозиции статьи 200.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3 (82). С. 125-130.

40. Сундуrow Ф.Р. Уголовное право России. Особенная часть. М. : Статут. 2012. 941 с.

41. Суслина Е.В. К вопросу об объекте мошенничества и иных обманных имущественных посягательств // Российский юридический журнал. 2007. № 1. С. 150.

42. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года (в редакции от 14.07.2022, с изменениями, вступившими в силу с 25.07.2022) //Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

43. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 27. Ст. 670.

44. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) //Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 40.

45. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

46. Шарипов А.М. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Моск. гос. юрид. акад. Москва. 2006. 24 с.

47. Шишов О.Ф. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М. : Экзамен. 2008. 957 с.

48. Щербаков В.П. Проблемы и предложения по квалификации краж чужого имущества. // Вестник Тамбовского университета. 2016. № 3 (7). С. 64-70.

49. Dressler J. Understanding Criminal Law. New York Lexis Pub. 2015. Vol. 1. 40 p.

50. Hart H. Criminal law in the modern world. New York, West, a Thomson business. 2010. 99 p.

51. Rountree M.M. Criminals Get All the Rights: The Sociolegal Construction of Different Rights to Die // Journal of Criminal Law and Criminology. 2015. № 2. P.39-40.

52. Stuntz William J. The collapse of American Criminal Justice. – Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press 2011. 432 p.

53. Youngjae Lee. Reasonable Doubt and Moral Elements // Journal of Criminal Law and Criminology. Winter 2015. № 2. P.35-39.